

Томсинов В.А., заведующий кафедрой истории государства и права,
юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова,
доктор юридических наук, профессор

**А. Я. Вышинский и советская доктрина
международного права.**

Глава 5.

Июль–сентябрь 1941 года:

**Начало формирования военно-политического альянса
СССР, Великобритании и США**

Опубликовано:

Законодательство.

2025

№ 4. С. 77–84. № 5. С. 77–85. № 6. С. 87–94. № 7. С. 86–94. № 8. С. 87–94. № 9. С. 87–94.

1

Документы, отражающие деятельность руководителей Наркомата иностранных дел СССР в первые дни Великой Отечественной войны, показывают, что в то время главной задачей было выяснение внешнеполитической позиции европейских и ведущих азиатских стран в связи с нападением фашистской Германии на Советский Союз. Беседуя с официальными дипломатическими представителями, нарком иностранных дел и его заместители собирали информацию о том, правительства каких стран объявили или готовятся объявить войну СССР, поддержав Германский рейх; кто решил оставаться пока в стороне — в состоянии нейтралитета; насколько серьезны намерения руководителей государств, противостоявших Германии, вступить в военно-политический союз с нашей страной.

С этой целью В.М. Молотов 23 июня 1941 года встречался с посланниками Венгрии и Словакии, 24 июня — с послом Турции и с посланником Румынии. Его первый заместитель А.Я. Вышинский 24 июня беседовал с посланником Болгарии, 25 июня — с послом Италии и посланником Венгрии, 26 июня — с послом Турции. Заместитель наркома иностранных дел СССР С.А. Лозовский 23 июня общался с посланником Дании, 24 июня — с посланником Швеции. Но как оказалось, дипломатические представители этих государств в первые два дня после начала войны мало что могли сказать о позиции своих правительств.

Молотов 24 июня поинтересовался у турецкого посла А. Актая, придерживается ли правительство Турции позиции нейтралитета или оно примыкает к той или иной воюющей стороне, но в ответ услышал, что посольство Турции в Москве не получило из Анкары никаких инструкций на этот счет. Актай обещал лишь, что направит запрос своему правительству¹.

Два дня спустя во время встречи с Вышинским Актай сообщил, что 22 июня его правительство провозгласило «нейтралитет Турции по отношению к обстановке, создавшейся вследствие начала германо-советской войны», о чем Советское правительство было только что проинформировано специальной нотой. К этому турецкий посол добавил, что согласно инструкции, полученной им из Анкары, «Турция будет придерживаться строгого и абсолютного нейтралитета». Первый заместитель наркома иностранных дел СССР попросил турецкого посла уточнить смысл выражения «нейтралитет по отношению к обстановке». Предыдущие переговоры Вышинского с Актаем, в особенности 9 и 15 марта 1941 года², прошли в атмосфере доброжелательности и откровенности, но в этот раз турецкий посол был предельно сдержан, а на вполне логичный вопрос одного из руководителей Наркомата иностранных дел СССР не дал никакого ответа. Вышинскому как правоведа показались весьма странными и другие термины, использованные правительством Турции для определения своей позиции в условиях начавшейся войны Германии и ее сателлитов против Советского Союза. «Что именно следует понимать под абсолютным нейтралитетом?», – спросил Андрей Януарьевич Актай и услышал от него: «Абсолютный нейтралитет означает, что Турция будет стремиться установить абсолютно одинаковые отношения с обеими воюющими сторонами»³. Данный ответ подразумевал, что турецкое правительство приняло решение занять в условиях начавшейся войны европейских стран против СССР выжидательную позицию.

Подобное решение приняла и Япония, но правительство этой страны сразу дало понять, что состояние нейтралитета не является для нее безусловным. 24

¹ Запись беседы народного комиссара иностранных дел В.М. Молотова с послом Турции А. Актаем. 24 июня 1941 г. // Документы внешней политики. 22 июня 1941 – 1 января 1942 г. Т. 24. М., 2000. С. 30.

² См.: Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941. Т. 23: В 2-х кн. Кн. 2 (2) 2 марта 1941 – 22 июня 1941. М., 1998. С. 464–465, 482.

³ Запись беседы первого заместителя народного комиссара иностранных дел СССР А.Я. Вышинского с послом Турции в СССР А. Актаем. 26 июня 1941 г. // Документы внешней политики. 22 июня 1941 – 1 января 1942 г. Т. 24. С. 44.

июня 1941 года посол СССР в Японии К.А. Сметанин пришел на прием к министру иностранных дел Иосуке (Ёсуокэ) Мацуоке и прямо спросил его, будет ли Япония соблюдать нейтралитет так же, как его соблюдает СССР в соответствии с пактом о нейтралитете между СССР и Японией от 13 апреля 1941 года. Мацуока уклонился от прямого ответа и заявил, что «основой внешней политики Японии является тройственный пакт (т.е. заключенный 27 сентября 1940 г. договор между Германией, Италией и Японией), и если настоящая война и пакт о нейтралитете будут находиться в противоречии с этой основой и с тройственным пактом, то пакт о нейтралитете “не будет иметь силы”»⁴.

Между тем статья 2 пакта о нейтралитете, заключенного 13 апреля 1941 года между СССР и Японией, предусматривала *безусловное* соблюдение нейтралитета в подобных ситуациях, без каких-либо ссылок на тройственный договор Германии, Италии и Японии или на другие обстоятельства⁵. Заявление Мацуоки о том, что Япония может отказаться соблюдать состояние нейтралитета по отношению к нашей стране, прозвучавшее на второй день после вторжения германских войск в пределы Советского Союза, противоречило данной статье, а также общему предназначению и смыслу пакта.

Интересно, что Мацуока был в числе подписавших пакт о нейтралитете между СССР и Японией наряду с Молотовым. Более того, данный пакт был заключен по настоятельной просьбе именно японского правительства, выраженной Мацуокой в беседе со Сталиным 12 апреля 1941 года. Советское руководство не спешило связывать себя договорными обязательствами с Японией. Но Мацуока сказал Сталину о своем желании подписать пакт о нейтралитете до своего отъезда из Москвы, подчеркнув, что считает его «полезным и целесообразным не только для Японии, но и для СССР», и ему досадно, что пакт не подписан»⁶.

⁴ Из дневника посла СССР в Японии К.А. Сметанина. 24 июня 1941 г. // Там же. С. 29.

⁵ Данная статья гласила: «В случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая Договаривающаяся Сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта» (Пакт о нейтралитете между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией. [13 апреля 1941 г.] // Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941. Т. 23: В 2-х кн. Кн. 2 (2) 2 марта 1941 – 22 июня 1941. М., 1998. С. 565).

⁶ Беседа генерального секретаря ЦК ВКП (б) И.В. Сталина с министром иностранных дел Японии Ё. Мацуокой. 12 апреля 1941 г. // Там же. С. 560. Наименование Сталина «генеральным секретарем ЦК ВКП (б)» при публикации этого документа явная ошибка. На самом деле Иосиф Виссарионович являлся просто секретарем.

После такого заявления Сталин счел необходимым обсудить с японским министром иностранных дел при участии Молотова основные положения пакта о нейтралитете и самые острые проблемы в советско-японских отношениях. В конце беседы Сталин и Мацуока договорились выделить по четыре представителя от каждой из сторон для уточнения текста пакта. Со стороны СССР эту работу возглавил А.Я. Вышинский. В результате к следующему дню — 13 апреля — окончательный вариант пакта был подготовлен и представлен к подписанию.

28 июня 1941 года на прием к Вышинскому прибыл посол Японии в СССР Иосицугу Татекава. Он сразу сообщил, что приехал «по поводу защиты итальянских интересов в СССР и в связи с получением ноты В.М. Молотова, в которой советское правительство не возражает, чтобы Япония взяла на себя защиту интересов Италии в СССР»⁷. Казалось бы, принятие Японией на себя такой посреднической функции означало, что в условиях начавшейся войны Германии против СССР японское правительство решило сохранять безусловный нейтралитет. Но состоявшаяся на следующий день встреча Молотова с Татекавой показала, что японское правительство все еще сомневалось по этому поводу. Молотов прямо спросил японского посла, может ли он сказать что-то определенное о позиции Японии в отношении войны между СССР и Германией. Татекава ответил, что «еще не имеет об этом сообщения от своего правительства». «Японское правительство, — добавил он в оправдание, — находится в трудном положении, так как, с одной стороны, оно имеет тройственный союз, а с другой стороны — пакт о нейтралитете с СССР... Сейчас японский кабинет ежедневно заседает, стараясь найти какое-либо решение»⁸. Молотов напомнил Татекаве, что в тройственном пакте, на который ссылается японское правительство, «оговорено, что он не затрагивает отношений каждого из участников этого пакта с СССР». Следовательно, «Япония по тройственному пакту не взяла на себя каких-либо обязательств против СССР»⁹.

В конце разговора с наркомом иностранных дел СССР японский посол, сославшись на слухи, спросил, «правда ли что до начала войны СССР и

⁷ Запись беседы первого заместителя народного комиссара иностранных дел СССР А.Я. Вышинского с послом Японии И. Татекавой. 28 июня 1941 г. // Документы внешней политики. 22 июня 1941 — 1 января 1942 г. Т. 24. С. 55.

⁸ Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР В.М. Молотова с послом Японии в СССР И. Татекавой. 29 июня 1941 г. // Там же. С. 67.

⁹ Там же.

Великобритания намеревались якобы заключить союз». Молотов категорично ответил, что это ложь, что об этом даже не начиналось никаких переговоров с англичанами, но после нападения Германии на СССР ситуация изменилась, и «мы будем вести с ними переговоры»¹⁰.

Переговоры руководства наркомата иностранных дел СССР с дипломатическими представителями иностранных государств в первые дни войны показали, что Советское государство оказалось в чрезвычайно неблагоприятной внешнеполитической обстановке. Целый ряд европейских государств объявил войну СССР или готовился к этому шагу, а самые крупные из соседних держав – Турция и Япония – заняли выжидательную позицию, не скрывая, что их нейтралитет не безусловный.

В этих условиях особое значение для Советского государства приобретали отношения с Великобританией. Только с этой страной, находившейся с 3 сентября 1939 года в состоянии войны с Германией, СССР мог вступить в экономический, военный и политический союз. Перспективу возникновения такого объединения видели не только в Германии, но также в Турции и в Японии и все они опасались такой возможности.

Для Великобритании заключение альянса с Советским Союзом было настоящим спасением. Поддержка США много значила для Великобритании в войне с Германией, но она сводилась лишь к поставкам вооружения и материальных ресурсов. К тому же британское правительство вынуждено было платить за эти поставки золотом. Глава британского правительства Уинстон Черчилль хорошо сознавал огромное значение союза для судьбы Великобритании и открыто об этом говорил. Неудивительно, что именно Великобритания сделала первый шаг к объединению, причем еще за несколько дней до нападения Германии на СССР, о времени которого британское правительство имело, как стало ясным утром 22 июня 1941 года, абсолютно точные сведения. Об оказании помощи Советскому Союзу в случае нападения Германии еще 13 июня 1941 года говорил советскому послу И.М. Майскому в Лондоне глава внешнеполитического ведомства Великобритании Энтони Иден. А 21 июня 1941 года пребывавший в то время в Лондоне британский посол в СССР Стаффорд Крипс сообщил Майскому о возможности срочного направления в Москву британской военной миссии для передачи опыта войны

¹⁰ Там же. С. 68.

с Германией и экономических экспертов в целях налаживания хозяйственной координации между Великобританией и СССР¹¹.

Безусловно, главным фактором, заставившим Великобританию и СССР решиться на заключение экономического, военного и политического альянса, была необходимость противостоять фашистской Германии и ее сателлитам. Советский Союз был нужен Великобритании как мощная военная держава, обладавшая вооруженными силами, способными разгромить германский вермахт.

Великобритания, не имевшая сколько-нибудь сильной армии и явно уступавшая Германии в военной мощи, тем не менее оттягивала на себя какую-то часть вооруженных сил Германии, действуя в Западной Европе, Северной Африке и на Ближнем Востоке. Кроме того, она могла продавать Советскому Союзу дефицитные материалы, необходимые для производства вооружения и армейского снаряжения, предоставлять тайную информацию о военных планах руководства Германии, о состоянии германского вермахта и т.д.

В результате альянса с Великобританией СССР приобретал и ряд немаловажных выгод непрямого характера. Союзнические отношения с Великобританией одновременно создавали косвенные союзнические отношения с Соединенными Штатами Америки, которые, не участвуя в войне против Германии, всячески поддерживали Великобританию, поставляли ей вооружение и необходимые материалы.

Сталин, всегда относившийся с большим недоверием к британскому правительству, а после перелета в Великобританию заместителя Гитлера Рудольфа Гесса открыто подозревавший, что британские правящие круги пытаются сговориться с Гитлером, видел еще одно значение советско-британского альянса: помимо прочего это был способ *связать правительство Великобритании международно-правовым обязательством не выходить из войны против Германии и ее сателлитов без согласия своего союзника*. «Соглашение о совместных действиях правительства Союза ССР и правительства Его Величества в Соединенном Королевстве в войне против Германии», подписанное 12 июля 1941 года от имени советского и британского правительств заместителем председателя СНК СССР и наркомом иностранных

¹¹ Подробнее об этом см.: Томсинов В.А. Андрей Януарьевич Вышинский (1883—1954): государственный деятель и правовед. Статья 90. А.Я. Вышинский и советская доктрина международного права. Продолжение // Законодательство. 2025. С. 89–90.

дел В.М. Молотовым и чрезвычайным и полномочным послом Его Величества Стаффордом Крипсом, содержало всего два пункта. В первом объявлялось, что «оба правительства взаимно обязуются оказывать друг другу помощь и поддержку всякого рода в настоящей войне против гитлеровской Германии». Согласно второму пункту стороны обязывались, что «в продолжение этой войны они не будут ни вести переговоров, ни заключать перемирия или мирного договора, кроме как с обоюдного согласия»¹².

В протоколе к данному соглашению было отмечено, что по договоренности сторон оно «вступает в силу немедленно с момента его подписания и ратификации не подлежит»¹³.

Это условие показывает, что правительства СССР и Великобритании считали заключенное соглашение о совместных действиях в войне против Германии настолько жизненно важным для своих стран, что решили обойтись при его заключении без выполнения положенных в таких случаях юридических процедур и формальностей. Данное соглашение было опубликовано в газете «Правда» 14 июля 1941 года и названо в редакционной статье «документом крупнейшего исторического и политического значения»¹⁴. А в сообщении «Иностранные отклики на Соглашение между правительствами СССР и Великобритании» пересказывалось основное содержание статьи дипломатического обозревателя лондонского агентства Рейтер Фергюсона и, в частности, приводился следующий весьма значимый факт: «Англия на каждом этапе переговоров с Советским Союзом консультировалась в правительствами доминионов и Соединенных Штатов Америки и держала их все время в курсе переговоров»¹⁵.

В опубликованном тексте Соглашения ничего не сообщалось о том, какую конкретно помощь и поддержку оба правительства обязались оказывать друг другу, хотя это обсуждалось и было согласовано во время интенсивных

¹² Соглашение о совместных действиях правительства Союза ССР и правительства Его Величества в Соединенном Королевстве в войне против Германии. 12 июля 1941 г. // Документы внешней политики. 22 июня 1941 — 1 января 1942 г. Т. 24. С. 145.

¹³ Протокол к Соглашению о совместных действиях правительства Союза ССР и правительства Его Величества в Соединенном Королевстве в войне против Германии, заключенному 12 июля 1941 г. // Там же. С. 146.

¹⁴ Борьба против гитлеровской Германии будет доведена до победного конца // Правда. 1941. № 193 (8601). 14 июля. С. 1.

¹⁵ Иностранные отклики на соглашение между правительствами СССР и Великобритании // Там же.

советско-британских переговоров, предшествовавших подписанию документа. Соглашение о совместных действиях правительства СССР и правительства Великобритании в войне против Германии относилось к международно-правовым договорам особого типа, в которых обнародованное содержание всегда дополняется содержанием невидимым, тайным, и это последнее является главной частью документа. Закономерно, что засекреченная часть такого типа договора, как правило, значительно шире и подробнее его открытой части.

Документы, отражающие советско-британские дипломатические отношения лета 1941 года, показывают, каким образом вырабатываются, согласовываются и юридически оформляются тайные условия международно-правовых соглашений подобного рода.

22 июня 1941 года из Москвы в Лондон, послу Майскому была направлена зашифрованная телеграмма следующего содержания: «Лондон, Майскому. Если заявление Криппса о присылке военной миссии и экономических экспертов действительно отражает позицию британского правительства, советское правительство не возражает, чтобы эти две группы английских представителей были присланы в Москву. Понятно, что советское правительство не захочет принять помощь Англии без компенсации, и оно, в свою очередь, готово будет оказать помощь Англии. Молотов»¹⁶. Текст данной телеграммы опубликован в сборнике «Документы внешней политики. 22 июня 1941 — 1 января 1942 г.» (том 24, страница 14), но в нем не приведены весьма важные пометки, сделанные на листах оригинального документа, хранящегося в Архиве внешней политики Российской Федерации. Так, в правом верхнем углу архивного документа стоит написанное и подчеркнутое красным карандашом слово «немедленно», а ниже всего текста телеграммы серым карандашом, которым написан и весь ее текст, приписано: «Получение немедленно подтвердите». Эти пометки свидетельствуют о том, что Молотов придавал своей телеграмме первостепенное значение. В левом углу архивного текста телеграммы обозначено время ее составления — «16.50». Ниже и правее — надпись чернилами: «т. Вышинский читал» и подпись Вышинского.

Данная телеграмма наркома иностранных дел СССР была ответом на упомянутое предложение Стаффорда Криппса, сделанное Советскому правительству через посла Майского 21 июня 1941 года. Шифровку-молнию об

¹⁶ Шифртелеграмма наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова послу СССР в Великобритании И. М. Майскому. 22 июня 1941 г. // АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 365. Д. 2487. Л. 31.

этом предложении Майский направил в Москву сразу после разговора с Криппсом, а шифртелеграмму с подробностями на четырех листах — только в 11 часов утра 22 июня¹⁷. Получена она была в Наркомате иностранных дел, как показывает пометка на последнем листе, в 16 часов 40 минут.

Вечером 23 июня Майский послал в Москву шифртелеграмму, в которой проинформировал советское руководство о том, что передал главе британского Foreign Office телеграмму Молотова с согласием принять в советской столице военную и экономическую миссии из Великобритании и разговаривал с присутствовавшим в кабинете Идена послом Криппсом. «Отлет миссий предполагается дня через два, Криппс тоже вылетает в Москву на этих днях»¹⁸, — сообщил Майский.

Указанные миссии вряд ли могли предложить что-то ценное для нашей страны. Они направлялись британским правительством, скорее всего, лишь для сбора информации о состоянии экономики и вооруженных сил СССР, чтобы определить, сможет ли Советское государство выстоять в войне с таким грозным противником, как фашистская Германия. Но сам по себе факт прибытия британских миссий в Москву имел большое внешнеполитическое значение: Советский Союз тем самым демонстрировал, что не остался в одиночестве, защищаясь от нападения целого блока европейских агрессоров.

24 июня временный поверенный в делах Великобритании в СССР Герберт Багглей сообщил на встрече с Вышинским, что британские военная и экономическая миссии прилетят 26 вечером на самолетах в Архангельск и попросил обеспечить их доставку в Москву. Вышинский ответил, что все необходимые для этого меры будут приняты.

Утром 27 июня Стаффорд Криппс прибыл в Москву. В тот же день он дважды был принят Молотовым. Так начались переговоры, во время которых были сформированы договорные условия советско-британского экономического и военно-политического союза. Прежде чем подписать Соглашение о совместных действиях правительства СССР и правительства Великобритании в войне против Германии, британский посол семь раз встречался с наркомом иностранных дел В.М. Молотовым, один раз — с наркомом внешней торговли

¹⁷ Шифртелеграмма посла СССР в Великобритании И.М. Майского в НКВД СССР. 21 июня 1941 г. // АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 352. Д. 2402. Л. 257-254. В этом документе обратная нумерация листов.

¹⁸ Шифртелеграмма посла СССР в Великобритании И. М. Майского в НКВД СССР. 23 июня 1941 г. // АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 352. Д. 2402. Л. 281.

А.И. Микояном и дважды с председателем СНК СССР И.В. Сталиным. Первый заместитель наркома иностранных дел СССР А.Я. Вышинский, в беседах с которым Криппс в течение второй половины 1940-го — первой половины 1941 года провел времени больше, чем с каким-либо другим советским должностным лицом, участвовал в этих переговорах лишь косвенно. Непосредственно они встретились только на церемонии подписания окончательного варианта соглашения. Но надо признать, долгие разговоры Криппса с Вышинским, проходившие нередко на повышенных тонах, сыграли немаловажную роль в создании советско-британского альянса. Посол Великобритании в конце концов понял, что в то время, когда действовал заключенный 23 августа 1939 года пакт о ненападении между СССР и Германией, Советское руководство не могло пойти на более тесные отношения с британским правительством — как вследствие недоверия к нему со стороны Сталина, так и из опасения преждевременно оказаться в состоянии войны с ведущей европейской державой, контролировавшей военный и экономический потенциал почти всей Европы. И только разрыв этого пакта Германией создал предпосылки для сближения Советского Союза с Великобританией. Именно поэтому новые переговоры Криппса оказались деловыми и результативными.

Первая его встреча с наркомом иностранных дел СССР состоялась днем 27 июня 1941 года. Криппс представил Молотову тех, кто с ним приехал, и произнес небольшую речь «с выражением сочувствия СССР, подвергнутому нападению, и с довольно неопределенным обещанием помощи»¹⁹. После этого он разговаривал с Молотовым один на один через посредство переводчика.

Сначала британский посол сообщил, что военная миссия будет работать независимо от него в контакте с советским военным командованием, а экономическая миссия — под его руководством и в контакте с Микояном. Затем ему пришлось отвечать на вопрос Молотова о деле Гесса. Криппс отметил, что «в прошлом Гесс был связан с пронацистски настроенными молодежными кругами Англии и рассчитывал, что с этой группировкой можно договориться и заключить мир», но эти замыслы не осуществились, и «в настоящий момент Гессом в Англии не интересуются»²⁰.

¹⁹ Запись беседы народного комиссара иностранных дел В.М. Молотова с послом Великобритании в СССР С. Криппсом. 27 июня 1941 г. // Документы внешней политики. 22 июня 1941 — 1 января 1942 г. Т. 24. С. 46.

²⁰ Там же.

Видимо, чтобы укрепить доверие советского руководства, Криппс по секрету сообщил Молотову, что речь Уинстона Черчилля, произнесенная по радио вечером 22 июня 1941 года, писалась не только премьер-министром, но также Криппсом и послом США в Великобритании Джоном Уайнантом.

Перед вечерней встречей с британским послом нарком иностранных дел был у Сталина и доложил ему о предложении правительства Великобритании оказать помощь Советскому Союзу. Сталин сказал, что помощь будет взаимной и поручил Молотову узнать, «каковы будут масштабы и размеры помощи, которую могут оказать страны друг другу».

Криппс и Молотов при обсуждении этого вопроса согласились с тем, что «базой взаимной помощи является наличие общего врага»²¹. А размер экономической помощи британский посол связал с наличием транспорта, сообщив, что «в тех пределах, в которых действует транспорт, английское правительство предоставит СССР все необходимое для ведения войны»²².

Попытка Молотова поставить вопрос о военном сотрудничестве не встретила у Криппса понимания. Он сразу заявил, что «английские военные силы весьма малочисленны и полностью заняты в Англии, Африке и на Ближнем Востоке. Воздушные силы Англии также заняты на Ближнем Востоке и в Англии, поэтому в интересах СССР могут лишь усилить воздушные налеты на Германию. Военно-морская помощь может быть оказана Англией только лишь в Арктике и на Белом море». В связи с этим Криппс предложил свести военное сотрудничество «к обмену военным опытом и военной информацией»²³.

При обсуждении вопроса о возможности установления между СССР и Великобританией отношений политического сотрудничества, Криппс заявил, что считает «более необходимым и благоразумным достигнуть сотрудничества по военным и экономическим вопросам, что создаст базу для сотрудничества политического... Общей основой для достижения соглашения по военным и экономическим вопросам является общий враг. В то же самое время общий враг является недостаточной базой для сотрудничества политического»²⁴.

Подводя итоги первого обмена мнениями с дипломатическим представителем Великобритании, Молотов заметил, что британское

²¹ Там же. С. 47.

²² Там же. С. 48.

²³ Там же. С. 49.

²⁴ Там же. С. 50.

правительство пока «считает необходимым ограничить сферы сотрудничества экономическим сотрудничеством, военной и технической информацией и помощью»²⁵.

Нежелание Криппса сделать шаги к установлению более тесного политического сотрудничества между Великобританией и СССР отражало точку зрения, доминировавшую в британском Foreign Office. После первых бесед с Молотовым Криппс сообщил в Лондон телеграммой: «Я предлагаю оставаться абсолютно твердым в этом вопросе и буду настаивать на сотрудничестве без какого-либо политического соглашения»²⁶. Эта позиция была всецело одобрена главой британского внешнеполитического ведомства Энтони Иденом.

Вечером 28 июня Криппс пришел с главой британской экономической миссии Л. Кадбери к наркому внешней торговли СССР А.И. Микояну для обсуждения конкретных вопросов, касавшихся взаимных поставок. На встрече выяснилось, что Великобритания может поставлять в СССР довольно широкий ассортимент материалов, необходимых для военной промышленности и снаряжения армии (шерсть, кожсырьё и кожу, шеллак, джут, каучук, олово и др.). Кадбери предложил Микояну представить список наиболее необходимых товаров с указанием количества и пунктов их назначения, чтобы решить вопрос с транспортом. Передавая списки материалов для поставки в СССР, глава экономической миссии сказал: «Британское правительство не желает вызвать какие-либо затруднения, связанные с оплатой товаров, но оно хотело бы получить лен, платину, иридий, если советское правительство располагает этими товарами. С другой стороны, платеж можно было бы производить в фунтах или в долларах»²⁷.

После этого состоялась целая серия встреч британского посла с наркомом иностранных дел — 29 и 30 июня, 2, 5, 7 июля. Криппс просил у Молотова информацию о том, что происходит на фронтах боевых действий с германскими вооруженными силами. Молотов говорил Криппсу об актуальности участия английских военных кораблей и авиации в защите

²⁵ Там же. С. 49.

²⁶ Цит. по: *Hanak H. Sir Stafford Cripps as ambassador in Moscow, June 1941 – January 1942 // English Historical Review. 1982. Vol. 97. No. 383. P. 333.*

²⁷ Запись беседы народного комиссара внешней торговли СССР А.И. Микояна с послом Великобритании в СССР С. Криппсом. 28 июня 1941 г. // Документы внешней политики. 22 июня 1941 – 1 января 1942 г. Т. 24. С. 59.

Мурманска ввиду происходящего сейчас мощного наступления на этот город германских и финских войск.

29 июня Криппс сообщил в британский Foreign Office, что у него сложилось мнение о нежелании советских должностных лиц сотрудничать с британскими миссиями, и он намеревается попросить о встрече со Сталиным, чтобы понять, как в Москве смотрят на советско-британское сотрудничество²⁸. Он выразил желание иметь при себе письмо от премьер-министра к Сталину – примерно такое же, какое у него было при встрече со Сталиным 1 июля 1940 года. Криппс даже набросал черновик такого письма и послал его Черчиллю. Британский кабинет министров не одобрил это предложение. Однако Черчилль, подумав, счел идею хорошей в сложившихся условиях и, составив текст, 7 июля направил его в Москву Криппсу для передачи Сталину. Письмо начиналось со слов, которые не могли не понравиться советскому вождю. «Мы все здесь очень рады тому, что русские армии оказывают такое сильное, смелое и мужественное сопротивление совершенно неспровоцированному и безжалостному вторжению нацистов, – писал Черчилль. – Храбрость и упорство советских солдат и народа вызывают всеобщее восхищение. Мы сделаем все, чтобы помочь Вам, поскольку это позволят время, географические условия и наши растущие ресурсы. Чем дольше будет продолжаться война, тем большую помощь мы сможем предоставить»²⁹.

Свое послание Сталину Черчилль завершал весьма бодрой фразой: «Нам нужно лишь продолжать прилагать все усилия, чтобы вышибить дух из злодеев»³⁰. Премьер-министр Великобритании как будто ничего не знал о тех препятствиях, которые возникли на пути формирования советско-британского союза.

2

Мировые войны разрушают существующий международный правопорядок, но, устанавливая новый баланс сил ведущих держав, одновременно создают условия для формирования нового международного правопорядка. Так было и во время Второй мировой войны. Альянс СССР,

²⁸ Hanak H. Sir Stafford Cripps as ambassador in Moscow, June 1941 – January 1942. P. 333.

²⁹ Личное послание от г-на Черчилля г-ну Сталину. Получено 8 июля 1941 г. // Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли (июль 1941 г. – ноябрь 1945 г.). М., 1958. С. 9.

³⁰ Там же.

Великобритании и США, который начал складываться в первый же месяц после нападения фашистской Германии и ее сателлитов на Советский Союз, стал важнейшим условием и главнейшим орудием создания на мировой арене нового правопорядка и соответствовавшего ему нового международного права.

Вторая мировая война заставила переосмыслить все основные институты сложившегося к тому времени международного права: учение о субъектах международно-правовых отношений, категории прав и обязанностей государств, суверенитета, международного договора или соглашения, агрессии и самообороны, сущность международных преступлений, содержание союзнических отношений между государствами, подлинный смысл нейтралитета и т.д.

В переговорах, которые советское правительство 27 июня 1941 года начало вести с правительством Великобритании, а спустя месяц — одновременно и с руководством США, эти проблемы международного права неизбежно оказывались в центре внимания сторон, а нередко становились предметом споров. Стремясь придать достигавшимся в ходе этих переговоров договоренностям более устойчивый характер, советские руководители сознательно старались выразить их в юридической форме — в виде официально подписываемого от имени правительств международно-правового соглашения, декларации, меморандума и т.д. Было очевидно, что сколько-нибудь прочный союз между державами, стремящимися к достижению общей цели, но такими разными, а в определенных аспектах даже антагонистическими по своей социальной основе, какими являлись СССР, Великобритания и США, мог быть построен лишь из материала международного-правовых форм, на основе общепризнанных принципов международного права.

Политическую основу этого весьма странного, на первый взгляд, межгосударственного альянса составляла единая цель: победа над общим врагом — фашистской Германией. Эта общая цель предполагало одинаковую оценку политики германского рейха.

В документах Коминтерна и в официальной политической идеологии СССР фашистское государство оценивалось с классовых позиций. «Фашизм есть открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических и наиболее империалистических элементов финансового

капитала»³¹, – утверждалось в тезисах, принятых XIII пленумом Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала 12 декабря 1933 года³². Данное определение в 1935 году повторил Г.М. Димитров в своем докладе на VII конгрессе Коминтерна³³.

В переговорах с дипломатическими представителями и руководителями Великобритании и США, проходивших после нападения Германии на СССР, *сущность фашистского государства оценивалась советскими руководителями не с классовой точки зрения, а с позиции международного правопорядка.* «Советское правительство, – говорил Сталин 30 июля 1941 года в беседе с Гарри Гопкинсом, представителем президента США Франклина Рузвельта, – считает группу Гитлера антисоциальным явлением. Существование этой группы в такой большой стране, как Германия, делает невозможным тесное сосуществование соседних государств. Гитлер и окружающие его лица готовы сегодня подписать один договор, завтра его нарушить, потом подписать другой договор и опять его нарушить. Если бы такая группировка оказалась у власти в ряде государств, то стало бы невозможным сотрудничество и кооперирование государств в соответствии с установленными законами... Для того, чтобы при разности режимов можно было осуществить сотрудничество между соседними странами, **необходим минимум морали, необходимо соблюдать святость подписанных между государствами договоров, регулирующих их отношения**, на чем основаны их сотрудничество и их сосуществование. Без этих условий сосуществование государств немислимо. Характерной же чертой

³¹ Фашизм, опасность войны и задачи коммунистических партий. Тезисы, принятые XIII пленумом ИККИ по докладу т. Куусинена // XIII пленум ИККИ. Стенографический отчет. М., 1934. С. 589. В проекте данных тезисов, принятых 24 ноября 1933 г. за основу президиумом ИККИ, указанное определение дополнялось выводом, который еще более подчеркивал классовый характер фашизма: «Фашисты не социалисты, а лакеи, прислужники капитала» (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 2. Д. 206. Л. 56).

³² 21 ноября 1933 г. проект этих тезисов был представлен для одобрения Сталину. «Без Ваших указаний относительно тезисов не можем открывать пленум», – написал в сопроводительном письме член исполкома Коминтерна Иосиф Пятницкий (Переписка И. Пятницкого с И. Сталиным, В. Молотовым и Л. Кагановичем по поводу подготовки тезисов XIII пленума ИККИ. 13 и 21 ноября 1933 г. // Коминтерн против фашизма. Документы. М., 1999. С. 308).

³³ Димитров Г. Наступление фашизма и задачи Коммунистического интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма. Доклад на VII Всемирном конгрессе Коммунистического Интернационала. 2 августа 1935 г. // VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны. (Сборник документов). М., 1975. С. 120.

Гитлера является отсутствие этого минимума морали, отсутствие минимума джентльменства. Ввиду всего этого группировка Гитлера должна быть лишена власти и уничтожена»³⁴ (выделено мной. — В.Т.).

Предложенная Сталиным методология оценки политики фашистского государства *исключительно с позиции международного права* была вполне понятна и полностью разделялась как премьер-министром Великобритании, так и президентом США. Она опиралась на признание недопустимости нарушать принцип *pacta sunt servanda* (договоры должны соблюдаться), составляющий один из устоев международного правопорядка.

Новая советская доктрина международного права, сформулированная в своих теоретических основах еще в 1938 году в докладе А.Я. Вышинского на первом совещании по вопросам науки советского права и государства, соответствовала проводившейся с середины 1930-х годов новой политике советского правительства, направленной на обеспечение не классовых и партийных интересов, не на поддержку мирового коммунистического движения, а прежде всего на защиту интересов своей страны, ее населения, ее общественного и государственного строя.

Советское правоведение как наука о праве, которое действовало внутри Советского государства, опиралось на методологию *классового подхода*, с позиции которого понималась сущность государства и права в целом, объяснялось содержание тех или иных политических и правовых институтов³⁵.

Советская доктрина международного права в первоначальном своем варианте, сформулированном на исходе первого десятилетия существования Советского государства, также имела классовый характер. Профессор международного права Венского университета, Йозеф Кунц, рассматривая в статье «Советская Россия и международное право» состояние советской международно-правовой науки в середине 1920-х годов, сделал вывод о том, что

³⁴ Запись беседы председателя Совета народных Комиссаров СССР И.В. Сталина с личным представителем президента США Г. Гопкинсом. 30 июля 1941 г. // Документы внешней политики. 22 июня 1941 — 1 января 1942 г. Т. 24. М., 2000. С. 198–199.

³⁵ Методология классового подхода отчетливо выражалось в определении права, сформулированном в докладе А.Я. Вышинского на первом совещании по вопросам науки советского государства и права 15 июля 1938 г.: «Право — совокупность правил поведения, выражающих волю господствующего класса, установленных в законодательном порядке, а также обычаев и правил общежития, санкционированных государственной властью, применение которых обеспечивается принудительной силой государства в целях охраны, закрепления и развития общественных отношений и порядков, выгодных и удобных господствующему классу» (Советское право. 1938. № 4. С. 27).

«Советская Россия имеет свои собственные международно-правовые нормы, свою науку и собственную международно-правовую теорию»³⁶. Основание для такого заключения дали австрийскому правоведу идеи, которые высказывались автором первых советских учебников по международному публичному праву профессором 1-го МГУ Е.А. Коровиным.

В 1924 году Евгений Александрович писал в первом издании своего учебника *Международное право переходного периода*: «"Классовый метод", вскрывающий реальные классовые интересы, лежащие в основе той или другой правовой теории, того или иного юридического института, завоевывающий широкие права гражданства в различных отраслях правоведения, должен занять подобающее ему место и в международном праве»³⁷. Во втором издании данной книги он заменил термин «классовый метод» словосочетанием «марксистский метод», но суть его высказывания осталась прежней³⁸. Классовый метод Е.А. Коровин применил и к определению международного права. В статье «К пересмотру основных понятий международного права» он определил его «как совокупность действующих правовых норм, определяющих права и обязанности коллективов господствующих классов, участников современного международного общения»³⁹. Это определение вошло в изданный в 1926 году учебник Е.А. Коровина *«Современное международное публичное право»*⁴⁰. «Последняя часть определения, — подчеркивал здесь автор, — выявляет классовый характер международного права, как права вообще и права, исторически особенно тесно связанного с государственной организацией, к тому же издавна составлявшего монополию сугубо привилегированной "верхушки" феодального и буржуазного общества»⁴¹.

³⁶ Kunz J.L. Sowiet-Russland und das Völkerrecht // Zeitschrift für Völkerrecht. 1926. Bd. 13. Heft 4. S. 582.

³⁷ Коровин Е.А. *Международное право переходного периода*. М.-Пг., [1924]. С. 23. ()

³⁸ Коровин Е.А. *Международное право переходного периода*. М., [1925]. С. 23.

³⁹ Коровин Е.А. К пересмотру основных понятий международного права // Советское право. 1925. № 6 (18). С. 30.

⁴⁰ «Международное право (droit international, droit de gens, Völkerrecht) есть совокупность действующих правовых норм, определяющих права и обязанности коллективов господствующих классов — участников современного международного общения» (Коровин Е.А. *Современное международное публичное право*. М., 1926. С. 5).

⁴¹ Там же.

Позднее Е.А. Коровин выдвинул концепцию «международного социалистического права», которая вплоть до начала 1960-х годов поддерживалась некоторыми советскими правоведами⁴².

А.Я. Вышинский в докладе на первом совещании по вопросам науки советского права и государства выступил резко против трактовки международного права с точки зрения классового подхода. «Нам не нужно выдумывания таких подозрительных формулировок или определений, как определение “советское социалистическое международное право”»⁴³, — говорил он, ставя при этом задачу исходить при разработке советской науки международного права «из факта капиталистического окружения, в котором находится СССР и которое определяет международное положение Советского Союза... из факта все большего и большего разворота сотрудничества СССР с теми или иными капиталистическими странами как в области экономических отношений, так и в деле сохранения мира»⁴⁴.

Обращая внимание на пороки классовой доктрины международного права, выраженной в термине «международное право переходного времени», Вышинский отмечал, что она исходила из других принципов, а именно: «из принципов игнорирования реальной исторически сложившейся международной обстановки». Концепция «международного социалистического права», выдвинутая Е.А. Коровиным, также исходит, подчеркивал Вышинский, «не из сотрудничества СССР с теми или иными капиталистическими странами, а из полного игнорирования этого сотрудничества, из противопоставления себя остальному миру, из противопоставления своего международного права, как права социалистического, международному праву буржуазных стран, как праву буржуазному»⁴⁵.

«Необходимо дать решительный отпор подобного рода “теориям”, хотя и претендующим на научность, но в действительности ничего общего с нашей наукой, марксистско-ленинской наукой, не имеющим»⁴⁶, — утверждал Вышинский. Главной задачей советских правоведов-международников Андрей

⁴² См., например: Блищенко И.П. Международное и внутригосударственное право. М., 1960. С. 29.

⁴³ Вышинский А.Я. Основные задачи науки советского социалистического права. Сокращенная стенограмма доклада на I совещании по вопросам науки советского права и государства. 16 июля 1938 г. // Советское государство. 1938. № 4. С. 36.

⁴⁴ Там же. С. 38.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

Януарьевич считал «серьезнейшую разработку ряда вопросов, которые служили бы материалом для пропаганды борьбы против поджигателей войны, которые служили бы материалом для укрепления международного правового общения, которые служили бы делу укрепления института международной солидарности». В числе самых серьезных вопросов, стоящих перед советской наукой международного права, он называл прежде всего «вопрос об агрессии», затем вопросы «о борьбе в международном масштабе с терроризмом, с фашистскими организаторами террора в разных странах, вопрос о юридической природе закона или международных соглашений, направленных против международных разбойников, против международного терроризма»⁴⁷.

Эти идеи А.Я. Вышинского выражали новое содержание внешней политики Советского государства, **ее ориентацию на обеспечение геополитических интересов страны путем сотрудничества с ведущими державами Запада.** С учетом таких взглядов на сущность и предназначение международного права было вполне логичным назначение Вышинского 6 сентября 1940 года первым заместителем наркома иностранных дел СССР. Сформулированная Вышинским новая советская доктрина международного права соединилась с практикой внешнеполитической деятельности Советского государства.

Для дальнейшего развития этой доктрины огромное значение имели переговоры советских руководителей с дипломатическими представителями Великобритании и США и переписка председателя советского правительства И.В. Сталина с премьер-министром Уинстоном Черчиллем и президентом Франклином Рузвельтом.

* * *

8 июля 1941 года И.В. Сталин принял в своем кабинете Стаффорда Криппса. Эта встреча стала поворотной в отношениях между СССР и Великобританией. Председатель советского правительства взял инициативу в свои руки и буквально продиктовал британскому послу, каким образом, по каким направлениям и в какой юридической форме должны строиться взаимоотношения двух держав, имеющих в жестокой войне за свое выживание общего чрезвычайно опасного врага.

В самом начале встречи Криппс передал Сталину послание Черчилля, указав, что самой важной его частью является сообщение о решении

⁴⁷ Там же.

британского Адмиралтейства предпринять серьезную операцию в Арктике. После этого британский посол обратился к советскому руководителю с просьбой рассказать о положении на фронтах. Сталин не скрыл, что обстановка на фронте продолжает оставаться напряженной, сославшись при этом на внезапность нападения немцев, которая, по его словам, не позволила Красной Армии развернуться. Приведя в подтверждение этой оценки несколько фактов, он перешел к главному вопросу встречи с представителем Великобритании.

«У советского правительства, — сказал Сталин, — создано плохое впечатление в связи с непонятной позицией, занятой английским правительством. Советскому правительству кажется, что Великобритания не хочет связывать себя с Советским Союзом каким-либо соглашением»⁴⁸.

Криппс в ответ заявил, что британское правительство не хочет заключать соглашения до тех пор, пока Великобритания и СССР не пройдут вместе период экономического и военного сотрудничества. «История последних лет, — заметил он, — делает нежелательным стремительное, непродуманное, скороиспеченное соглашение»⁴⁹. Сталин выразил удивление по поводу этого заявления Криппса. Напомнив британскому послу, что Англия и Советский Союз находятся в войне против Германии, советский вождь подчеркнул, что сотрудничество между ними «немыслимо без соглашения. В настоящий момент Гитлер собрал почти половину всех государств Европы и создал что-то вроде коалиции из Италии, Румынии, Венгрии, Словакии и Финляндии. При такой коалиции на стороне Гитлера, направленной против СССР, Англия отказывается заключить какое-либо соглашение с СССР. Создается впечатление изоляции Англии от Советского Союза и Советского Союза от Англии. Такая политика Англии по отношению к СССР приносит явный вред делу борьбы с Гитлером»⁵⁰.

Криппс попытался оправдаться, высказав предположение, что, возможно, существует неясность в трактовке самого слова «соглашение». Но Сталин объяснил ему, какое соглашение необходимо заключить советскому и британскому правительствам в самое ближайшее время, предложив для него всего два пункта: «1. Англия и СССР обязываются оказывать друг другу

⁴⁸ Запись беседы Председателя Совета Народных Комиссаров СССР И.В. Сталина с послом Великобритании в СССР С. Криппсом. 8 июля 1941 г. // Документы внешней политики. 22 июня 1941 — 1 января 1942 г. Т. 24. С. 120.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же. С. 120–121.

вооруженную помощь в войне с Германией. 2. Обе стороны обязываются не заключать сепаратного мира»⁵¹. При этом глава Советского правительства отметил, что в предлагаемом проекте соглашения не ставится вопрос об определении сфер влияния и не устанавливается, какая сторона и сколько выставит вооруженных сил против Германии, а решаются самые элементарные проблемы, причем с одной только целью — чтобы «не создавать иллюзии, что Англия изолируется от СССР, а СССР от Англии, и заключить пакт взаимопомощи»⁵². У Гитлера имеется коалиция, отметил Сталин, а «в отношениях между Англией и СССР создается впечатление изолированности. Коалиции нужно противопоставить коалицию, а не изоляцию»⁵³.

Криппс дал обещание проинформировать свое правительство о предложении Сталина заключить соглашение, но заметил при этом, что, по его мнению, лучшим способом заключения соглашения будет обмен нотами.

Сталин сказал, что это вопрос частный, однако, по его мнению, было бы лучше подписать соглашение, так как в настоящей обстановке обмен нотами даст очень мало. Если же такое соглашение для Англии неудобно и нецелесообразно, то об этом надо сказать ясно и прямо.

Криппса эта настойчивость Сталина явно смутила. Он стал уверять советского вождя в том, что всегда хотел заключения подобного пакта между Англией и СССР, но как в Англии, так и в США «существуют еще группировки, которые нужно убедить в необходимости сотрудничества между СССР и Англией»⁵⁴, и поэтому заключение советско-британского соглашения может оказаться преждевременным. Сталин на это заметил, что будет еще более опасным опоздать с заключением подобного соглашения.

В результате Криппс вынужден был пообещать, что ему удастся уговорить свое правительство заключить предлагаемый Сталиным пакт.

Получив от Криппса информацию о содержании его разговора с председателем советского правительства, британский премьер-министр решил вмешаться в ход этих переговоров и направил в Москву новое послание. Черчилль сообщил, что всецело одобряет предложение Сталина предусмотреть в совместном советско-британском документе два пункта: «а) взаимопомощь без точного обозначения ее размеров или характера и б) обязательство каждой

⁵¹ Там же. С. 121.

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. С. 121–122.

стороны не заключать сепаратного мира». Но если Сталин говорил о *соглашении* между СССР и Великобританией, то Черчилль всего лишь об *англо-советской декларации*, которую он почему-то называл «согласованной». Завершая послание Сталину, британский премьер-министр утверждал: «Мы считаем, что подписание декларации должно было бы состояться тотчас же по получении ответов от правительств доминионов и что немедленно вслед за этим следовало бы предать ее гласности»⁵⁵.

Новая встреча британского посла с председателем Советского правительства состоялась 10 июля 1941 года Криппс зачитал Сталину вслух русский перевод послания Черчилля и предложил свой проект советско-британского документа: «Правительство Его Величества в Соединенном Королевстве и Правительство Союза Советских Социалистических Республик согласились и декларируют о следующем:

а) Оба правительства взаимно обязуются оказывать друг другу помощь всякого рода в настоящей войне против Германии.

б) Они далее обязуются, что в продолжение этой войны они не будут вести переговоров о мире и не будут заключать перемирие без обоюдного согласия».

Сталин, выслушав, поинтересовался: «Почему бы не назвать предлагаемый проект документа соглашением». Криппс ответил, что при составлении проекта ему пришлось руководствоваться посланием Черчилля, в котором этот документ называется «согласованной декларацией», но он, Криппс, не будет ничего иметь против внесения в текст его проекта каких-либо поправок и предложений. Британский посол догадался, что этот вариант документа не будет принят без поправок, хотя содержание двух его пунктов выражало идеи, предложенные ранее советским руководителем.

Дальнейшая беседа Сталина и Криппса проходила с участием Молотова. Ее ключевой темой был вопрос о названии советско-британского документа. Криппс хотел назвать его «согласованной декларацией» или «декларированным соглашением». Сталин сказал, что декларация не лучшая

⁵⁵ Личное послание от г-на Черчилля г-ну Сталину. Получено 10 июля 1941 г. // Переписка Председателя Совета Министров СССР И. В. Сталина с Президентом США Ф. Рузвельтом, Президентом США Г. Трумэнном, с Премьер-Министром Великобритании У. Черчиллем и Премьер-Министром Великобритании К. Эттли в годы Великой Отечественной войны. Т. 1. Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли (июль 1941 г. - ноябрь 1945 г.). М., 1958. (Далее: Переписка с У. Черчиллем...). С. 10.

форма сотрудничества: «на опыте Мюнхена⁵⁶ уже весь мир убедился, что декларации ничего не стоят и их никто не выполняет»⁵⁷. Тогда Криппс предложил представить этот документ как «соглашение между Англией и СССР о совместных действиях против Германии» или «соглашение относительно взаимопомощи и консультации между СССР и Англией». Сталин и Молотов заметили, что добавление слова «консультация» ослабляет значение документа.

Криппс быстро сориентировался и предложил назвать документ «соглашением о совместных действиях Правительства Его Величества в Соединенном Королевстве и Правительства Союза Советских Социалистических Республик в войне против Германии». Данное предложение британского посла было сразу принято председателем советского правительства и наркомом иностранных дел СССР. Оставалось выработать подходящую формулу для преамбулы, и это было сделано их совместными усилиями. В окончательном варианте преамбулы советско-британский документ был представлен в виде **декларации о заключении соглашения** между правительствами Великобритании и СССР⁵⁸.

В понедельник 7 июля 1941 года английский журналист Ханнен Сваффер написал в газете Daily Herald: «Я читал в одном официальном документе, циркулирующем в пятницу в Уайтхолле, что Россия является “нашим партнером (*associate*), но не союзником (*ally*)»⁵⁹. Это означало, что прозвучавшее в речи премьер-министра Великобритании вечером 22 июня 1941 года обещание оказать «России и русскому народу всю помощь, какую только сможем», не изменило враждебного отношения британского правительства к нашей стране.

Советско-британское соглашение, торжественно подписанное в Кремле 12 июля 1941 года от имени правительств СССР и Великобритании Молотовым и Криппсом, казалось бы, создало новую ситуацию. Объявляя 15 июля в британском парламенте о заключении данного соглашения, Черчилль сказал:

⁵⁶ В данном случае Сталин имел в виду подписанную в Мюнхене 30 сентября 1938 г. Великобританией и Германией декларацию о взаимном ненападении.

⁵⁷ Запись беседы Председателя Совета Народных Комиссаров СССР И.В. Сталина с послом Великобритании в СССР С. Криппсом. 10 июля 1941 г. // Документы внешней политики. 22 июня 1941 – 1 января 1942 г. Т. 24. С. 131.

⁵⁸ «Правительство Его Величества в Соединенном Королевстве и Правительство Союза Советских Социалистических Республик заключили настоящее Соглашение и декларируют о следующем...»

⁵⁹ Цит. по: *Coates W.P., Coates Z.K. A History of Anglo-Soviet Relations. London, 1945. P. 681.*

«Это, конечно, союз, и русский народ теперь является нашим союзником»⁶⁰. Сталин в своем послании Черчиллю от 18 июля 1941 года также признал, что в результате соглашения, заключенного 12 июля, «Советский Союз и Великобритания стали боевыми союзниками в борьбе с гитлеровской Германией»⁶¹.

Однако первые же попытки советского руководства добиться, чтобы Великобритания открыла в Европе против общего врага второй фронт, который мог бы сковать какую-то часть германских войск и тем самым облегчить положение СССР, показали, что премьер-министр Черчилль не желал придавать советско-британскому союзу по-настоящему военный, боевой характер и подразумевал под оказанием помощи СССР со стороны Великобритании всего лишь поставку за плату необходимых советской военной промышленности и армии материалов, вооружения и снаряжения.

27 июня 1941 года посол СССР И.М. Майский, встречаясь с министром снабжения Уильямом Бивербруком попросил его поднять в военном кабинете вопрос об открытии второго фронта во Франции. «Ставя перед Бивербруком вопрос о втором фронте, — вспоминал впоследствии И.М. Майский, — я аргументировал главным образом реальными интересами самой Англии. Я говорил, что Британия в одиночку (даже со своей империей) никогда не сможет одержать победу над третьим рейхом и сохранить свои мировые позиции. Для этого ей нужен сильный союзник на суше. Такой союзник у нее сейчас появился. Правда, пока он терпит известные неудачи, но это временное явление. Рано или поздно наступит перелом, и тогда немцы начнут терпеть неудачи»⁶².

Бивербрук внимательно выслушал Майского и сказал то, что повергло советского посла в изумление: «Все, что вы говорите, очень хорошо, но... позвольте быть с вами вполне откровенным... Вы действительно будете драться? У вас не произойдет того, что случилось во Франции?»⁶³.

Майский был так ошеломлен этим вопросом, что, по его словам, «сначала почти лишился дара речи». Опомнившись, он вскипел и резко воскликнул: «We will fight like the devils!» (Мы будем драться, как дьяволы!).

⁶⁰ «It carried with it the full assent of the Great Dominions of the Crown... It is, of course, an alliance, and the Russia people are now our allies» (Ibidem).

⁶¹ Личное послание Сталина Черчиллю. 18 июля 1941 г. // Переписка с У. Черчиллем...). С. 10.

⁶² Майский И.М. Воспоминания советского дипломата. 1925–1945 гг. М., 1971. С. 523.

⁶³ Там же. С. 524.

Бивербрук внимательно посмотрел на советского посла, потом коснулся рукой его плеча и более теплым, чем обычно, голосом сказал: «Я вам верю... Хорошо, я попробую поставить вопрос о втором фронте перед правительством. Я считаю, что второй фронт сейчас необходим»⁶⁴.

Майский немедленно сообщил об этом разговоре с весьма влиятельным членом британского правительства в Москву. 29 июня Молотов пригласил к себе Криппса и зачитал ему сообщение Майского о беседе с Бивербруком, заявив, что все предложения об открытии второго фронта советское правительство считает правильными и актуальными. Криппс заверил Молотова, что британское правительство приняло решение о необходимости оказания всякой возможной помощи СССР в войне против Германии, но он не может «уже сейчас признать, хотя бы в принципе, что английские вооруженные силы примут участие в указанных Бивербруком действиях, облегчающих положение на русском фронте»⁶⁵. В конце разговора с Молотовым британский посол пообещал, что передаст его сообщение о целесообразности военной операции Великобритании в северной Франции своему правительству.

Попытки Бивербрука и Криппса заинтересовать Черчилля идеей открытия второго фронта оказались тщетными. Премьер-министр отнесся к этой идее отрицательно и большинство членов британского правительства поддержало его.

Поэтому Сталин был вынужден в первом послании к Черчиллю снова поднять этот вопрос. Мне кажется, писал советский вождь, что «военное положение Советского Союза, равно как и Великобритании, было бы значительно улучшено, если бы был создан фронт против Гитлера на Западе (Северная Франция) и на Севере (Арктика). Фронт на севере Франции не только мог бы оттянуть силы Гитлера с Востока, но и сделал бы невозможным вторжение Гитлера в Англию»⁶⁶.

Информируя главу британского кабинета министров о ходе войны на территории СССР, Сталин подчеркнул, что положение советской армии продолжает оставаться напряженным. Но к этой теме он обратился не для того, чтобы сделать более убедительным свое предложение об открытии

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР В.М. Молотова с послом Великобритании в СССР С. Криппсом. 29 июня 1941 г. // Документы внешней политики. 22 июня 1941 – 1 января 1942 г. Т. 24. С. 64.

⁶⁶ Личное послание Сталина Черчиллю. 18 июля 1941 г. С. 11.

Великобританией второго фронта. Отметив далее, что «результаты неожиданного разрыва Гитлером пакта о ненападении и внезапного нападения на Советский Союз создали для немецких войск выгодное положение», Сталин констатировал: «Можно представить, что положение немецких войск было бы во много раз выгоднее, если бы советским войскам пришлось принять удар немецких войск не в районе Кишинева, Львова, Бреста, Белостока, Каунаса, Выборга, а в районе Одессы, Каменец-Подольска, Минска и окрестностей Ленинграда»⁶⁷.

Смысл приведенного заявления Сталина становится понятным, если принять во внимание тот факт, что Великобритания не признала юридически включения в состав СССР в 1939–1940 годах территорий Прибалтики, Западной Белоруссии, Западной Украины, Бессарабии и Северной Буковины. Проходившие осенью того же года интенсивные переговоры британского посла Криппса с первым заместителем наркома иностранных дел СССР А.Я. Вышинским об установлении более дружественных отношений между двумя странами окончились неудачей именно по причине непризнания Литвы, Латвии и Эстонии советскими республиками⁶⁸. Британское правительство в своих внешнеполитических действиях относительно Советского государства исходило из предположения, что советское руководство аннексировало указанные территории, хотя они вошли в состав СССР на основании волеизъявления народов, выраженных на референдумах, и соответствующих решений их законодательных представительных органов.

Премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль и британский посол в СССР Стаффорд Криппс еще в конце июня 1940 года высказывали мнение о том, что включение Прибалтики в состав Советского Союза вполне могло быть признано оправданным по той причине, что оно осуществлено в целях самообороны в условиях возраставшей опасности нападения со стороны Германии⁶⁹.

Сталин, воспользовавшись случаем, снова поднял вопрос о правомерности включения в состав СССР в 1939–1940 годах территорий Прибалтики, Западной

⁶⁷ Там же. С. 10–11.

⁶⁸ Об этом см.: *Томсинов В.А.* Андрей Януарьевич Вышинский (1883 – 1954): государственный деятель и правовед. Статья 83. А.Я. Вышинский и советская доктрина международного права. Продолжение // *Законодательство*. 2024. № 6. С. 86–94.

⁶⁹ См. об этом: *Томсинов В.А.* Андрей Януарьевич Вышинский (1883 – 1954): государственный деятель и правовед. Статья 81. А.Я. Вышинский и советская доктрина международного права. Продолжение // *Законодательство*. 2024. № 4. С. 93.

Белоруссии, Западной Украины, Бессарабии и Северной Буковины и, показал на конкретном факте, какое важное значение для защиты нашей страны от нападения фашистской Германии имела эта внешнеполитическая акция Советского государства. Черчилль не мог не согласиться с этим доводом.

3

Послание Сталина к премьер-министру Великобритании, написанное 18 июля 1941 года, было получено в советском посольстве в Лондоне утром следующего дня. В сопроводительном письме Молотов приказал послу Майскому: «Переведите его на английский язык и лично вручите Черчиллю текст только на английском языке. Исполнение телеграфируйте»⁷⁰. Текст перевода Майский сам напечатал на пишущей машинке и вечером того же дня передал его Черчиллю.

Была суббота, и премьер-министр отдыхал в своей загородной резиденции, но послание Сталина открыл сразу как получил его от Майского. Дочитав до слов о том, что положение немецких войск было бы во много раз выгоднее, если бы советским войскам пришлось принять удар немецких войск у старых, а не новых границ СССР, он остановился и воскликнул: «Совершенно правильно! Я всегда понимал и оправдывал политику той “ограниченной экспансии”, которую Сталин проводил в последние два года»⁷¹.

Предложение Сталина о том, чтобы Великобритания открыла второй фронт, за счет чего военное положение Советского Союза, равно как и Великобритании, было бы значительно улучшено, не вызвало у премьер-министра ни возражений, ни поддержки. Черчилль повернулся к Майскому и, пожав плечами, сказал: «Вполне понимаю мистера Сталина и глубоко ему сочувствую, но, к сожалению, то, чего он просит, сейчас неосуществимо»⁷².

Ответное письмо Черчилля в Кремле получили 21 июля. Премьер-министр Великобритании заверял главу советского правительства: «Все разумное и эффективное, что мы можем сделать для помощи Вам, будет сделано. Я прошу Вас, однако, иметь в виду ограничения, налагаемые на нас нашими ресурсами и нашим географическим положением. С первого дня германского нападения

⁷⁰ Шифртелеграмма наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова послу СССР в Великобритании И. М. Майскому с текстом послания И. В. Сталина премьер-министру Великобритании У. Черчиллю. 18 июля 1941 г. // Архив внешней политики Российской Федерации (далее: АВП РФ). Ф. 059. Оп. 1. П. 365. Д. 2487. Л. 84.

⁷¹ *Майский И.М.* Дневник дипломата. Лондон 1934 – 1943. Кн. 2. Ч. 2: 22 июня 1941 – 1943 год. М., 2009. С. 15.

⁷² *Майский И.М.* Воспоминания советского дипломата. 1925–1945 гг. С. 538.

на Россию мы рассматривали возможность наступления на оккупированную Францию и на Нидерланды. Начальники штабов не видят возможности сделать что-либо в таких размерах, чтобы это могло принести Вам хотя бы самую малую пользу»⁷³.

Вместо высадки в Нормандии Черчилль предложил осуществить ряд военных мер на Севере для того, чтобы лишить немцев возможности перевозить войска морем для нападения на арктическое побережье Советского Союза (а именно направить некоторое число британских крейсеров и эсминцев к Шпицбергену, послать подводные лодки для перехвата германских транспортов и минный заградитель).

Все это означало, что британское правительство, заключив с правительством СССР соглашение о взаимной поддержке друг друга в войне с гитлеровской Германией, не собиралось оказывать своему союзнику такую помощь, в которой он в то время больше всего нуждался.

В своем дневнике посол Майский назвал такое поведение традиционным для английского правящего слоя. «Англичане, следуя своей вековой традиции, хотят свалить на нас главную тяжесть войны, а сами остаться по возможности в стороне», — записал он 11 августа 1941 года⁷⁴. Но ранее, в официальном донесении в Москву 21 июля 1941 года, он пытался объяснить его причины объективными обстоятельствами. «Черчилль до сих пор не уверен, устоит ли в конечном счете Красная Армия перед рейхсвером или нет? Его все время преследует мысль: если Красная Армия все-таки будет разбита, и Гитлер со всеми своими полчищами обрушится на Англию, — что тогда? Вот на этот случай Черчилль и придерживает силы и оружие на острове»⁷⁵.

Сталин не ответил на письмо Черчилля, полученное 21 июля 1941 года. Пять дней спустя в Кремль пришло еще одно послание от британского премьер-министра. Черчилль сообщил в нем, что его правительство единодушно

⁷³ Текст личного и секретного послания от г-на Черчилля г-ну Сталину. Получено 21 июля 1941 г. // Переписка Председателя Совета Министров СССР И. В. Сталина с Президентом США Ф. Рузвельтом, Президентом США Г. Трумэнном, с Премьер-Министром Великобритании У. Черчиллем и Премьер-Министром Великобритании К. Эттли в годы Великой Отечественной войны. Т. 1. Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли (июль 1941 г. - ноябрь 1945 г.). М., 1958. (Далее: Переписка с У. Черчиллем...). С. 12.

⁷⁴ *Майский И.М.* Дневник дипломата. Лондон 1934—1943. Кн. 2. Ч. 2. С. 32.

⁷⁵ Шифртелеграмма посла СССР в Великобритании И.М. Майского в НКВД СССР. 21 июля 1941 г. // АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 365. Д. 2486. Л. 28.

решило послать в Россию двести истребителей «Томагавк»⁷⁶. Сталин снова не дал ответа.

28 июля 1941 года в Кремле получили новое письмо премьер-министра Великобритании. В этот раз Черчилль известил Сталина о подготовке к отправке в СССР партии каучука и о намерении гостившего в Лондоне представителя президента США Гарри Гопкинса отправиться в Москву. Но Сталин не ответил и на это письмо.

31 июля 1941 года Черчилль проинформировал Сталина: «После моего личного вмешательства сделаны все необходимые приготовления для отправки отсюда десяти тысяч тонн каучука в один из Ваших северных портов»⁷⁷. Сталин опять оставил письмо Черчилля без ответа.

Экономической стороне альянса между СССР и Великобританией советский вождь придавал намного меньшее значение, чем его политическим и правовым аспектам. В отличие от Черчилля, он смотрел на советско-британский альянс не только как на союз, имеющий своей целью лишь достижение победы над общим врагом, но и как на мировую силу, предназначенную создать устойчивый баланс интересов двух держав и тем самым заложить основы нового международного правопорядка⁷⁸. Но в данном случае нежелание Сталина отвечать на письма из Лондона было еще и проявлением его недовольства двойственной политикой британского правительства, которое хотело использовать союзнические отношения для того, чтобы как можно больше военных тягот переложить на своего союзника.

* * *

Немалые трудности ожидали советских дипломатов и при попытке установить союзнические отношения с Соединенными Штатами Америки. В пятом пункте меморандума о политике по отношению к СССР в случае начала

⁷⁶ Личное послание от г-на Черчилля г-ну Сталину. Получено 26 июля 1941 г. // Переписка с У. Черчиллем...). С. 13.

⁷⁷ Личное послание от г-на Черчилля г-ну Сталину. Получено 1 августа 1941 г. // Переписка с У. Черчиллем...). С. 15.

⁷⁸ Американский журналист Роберт Шервуд, работавший при Франклине Рузвельте спичрайтером и друживший с Гопкинсом, отмечал в посвященной им книге: «Гопкинс полагал, что английское предложение о помощи не произвело на Сталина особенно большого впечатления и что он с самого начала был озабочен политической стороной вынужденного союза. Даже когда его существования угрожала опасность, советское правительство, видимо, больше стремилось обсуждать будущие границы и сферы влияния, чем вести переговоры о военном снабжении» (Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 1. М., 1958. С. 503–504).

советско-германской войны, подготовленного 21 июня 1941 года в отделе по европейским делам государственного департамента США, утверждалось: «Мы должны быть твердо привержены той позиции, что тот факт, что Советский Союз воюет с Германией, не означает, что он защищает, борется за принципы международных отношений или придерживается таких принципов международных отношений, каковые поддерживаются нами»⁷⁹.

Подход США был аналогичен подходу, которого придерживалось по отношению к СССР правительство Великобритании. Сталин, Молотов и Вышинский стремились придать советско-британским отношениям устойчивый, долговременный характер и предлагали облечь их в форму взаимовыгодных договоров, создающих юридические конструкции нового международного порядка. Британское же правительство искало во взаимоотношениях с Советским Союзом лишь кратковременные выгоды, ставило своей целью достижение конкретных внешнеполитических целей.

Заявление о том, что Советский Союз и США придерживаются не одних и тех же, а разных принципов международных отношений, сделанное в меморандуме об американской политике по отношению к СССР, означало, что *руководство США отвергало даже самую возможность построения совместно с Советским государством единого международного права, в то время как советская международно-правовая доктрина, сформулированная в своих основных положениях А.Я. Вышинским еще в 1938 г., опиралась именно на идею общего для всех мировых держав международного права.*

Последний пункт американского внешнеполитического меморандума от 21 июня 1941 года свидетельствует, что одной из причин, по которой руководство США загодя отказывалось от заключения с правительством СССР каких-либо договоров, являлось убеждение в том, что наша страна потерпит в войне с фашистской Германией сокрушительное поражение. В этом документе утверждалось: «Мы не должны заранее давать Советскому Союзу никаких обещаний относительно помощи, которую мы могли бы оказать в случае германо-советского конфликта, и мы не должны брать на себя никаких

⁷⁹ «We should steadfastly adhere to the line that the fact that the Soviet Union is fighting Germany does not mean that it is defending, struggling for, or adhering to, the principles in international relations which we are supporting» (Memorandum Prepared in the Division of European Affairs: Policy with Regard to the Soviet Union in Case of War between the Soviet Union and Germany, 21 June 21, 1941 // Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1941 (in Seven Volumes). Vol. 1. General. The Soviet Union. Washington, 1988. P. 766).

обязательств относительно того, какой может быть наша будущая политика в отношении Советского Союза или России. В частности, мы не должны предпринимать никаких действий, которые могли бы создать впечатление, что мы действовали недобросовестно, если позднее мы откажемся признать советское правительство в изгнании или перестанем признавать советского посла в Вашингтоне в качестве дипломатического представителя России в случае, если Советский Союз потерпит поражение и советское правительство будет вынуждено покинуть страну»⁸⁰.

26 июня 1941 года посол СССР в Вашингтоне встретился с исполнявшим в то время обязанности государственного секретаря Самнером Уэллсом. В самом начале разговора руководитель внешнеполитического ведомства США выразил чувство сожаления по поводу «грабительского, трусливого и предательского нападения нацистской Германии на СССР», но его словам, видимо, не хватило искренности. И в шифртелеграмме Молотову об этой встрече, К.А. Уманский счел необходимым заметить, что «слово "сожаление" Уэллс явно избрал, чтобы не получилось впечатления злорадства и удовлетворения американского правительства»⁸¹. Приведенное замечание советского посла в США было почему-то опущено при публикации первой страницы его шифртелеграммы от 26 июня 1941 г. в сборнике «Документы внешней политики. 22 июня 1941 — 1 января 1942 г.»⁸².

В упомянутой беседе с Уманским Уэллс утверждал, что американское правительство готово оказать Советскому Союзу в его борьбе с германской агрессией «всю посильную поддержку в пределах, определяемых производственными возможностями США и его наиболее неотложными нуждами»⁸³. При этом он сделал весьма интересную оговорку, показывавшую,

⁸⁰ «We should make no promises in advance to the Soviet Union with regard to the assistance which we might render in case of a German-Soviet conflict, and we should take no commitment as to what our future policy towards the Soviet Union or Russia might be. In particular we should engage in no undertaking which might make it appear that we have not acted in good faith if later we should refuse to recognize a refugee Soviet Government or cease to recognize the Soviet Ambassador in Washington as the diplomatic representative of Russia in case the Soviet Union should be defeated and the Soviet Government should be obliged to leave the country» (ibid. P. 766–767).

⁸¹ Шифртелеграмма посла СССР в США К.А. Уманского наркомун иностранных дел СССР В.М. Молотову. 26 июня 1941 г. // АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 345. Д. 2363. Л. 251.

⁸² Документы внешней политики. 22 июня 1941 — 1 января 1942 г. Т. 24. М., 2000. С. 40.

⁸³ Шифртелеграмма посла СССР в США К.А. Уманского наркомун иностранных дел СССР В.М. Молотову. 26 июня 1941 г. // АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 345. Д. 2363. Л. 250.

что по отношению к СССР США и Великобритания намерены были выступать единым блоком. «Американское правительство, — сказал Уэллс, — естественно, будет консультироваться о своей помощи СССР с британским правительством в связи с теми обязательствами, которые США взяли на себя перед Великобританией. В свою очередь, британское правительство уже держит американское правительство в курсе тех вопросов тесного сотрудничества, которые обсуждаются между СССР и Великобританией»⁸⁴.

29 июня 1941 года Молотов вызвал к себе посла США Л. Штейнгардта. Выразив благодарность американскому правительству за выражение поддержки Советского Союза в борьбе с германской агрессией, нарком иностранных дел СССР сказал, что советское руководство прежде не ставило вопроса о помощи США Советскому Союзу, поскольку не знало позиции американского правительства, но теперь ситуация изменилась. Не дослушав наркома, Штейнгардт спросил, читал ли он полный текст заявления президента США. Молотов ответил, что заявление Рузвельта ему кажется не вполне ясным и что, «согласно этому заявлению, Америка может помочь Советскому Союзу лишь ботинками и носками»⁸⁵. Американский посол в оправдание сказал, что Рузвельт и американское правительство заявили о готовности предоставить СССР всякую возможную помощь, которая окажется в силах США.

Молотов перечислил предметы вооружения и оборудования, необходимые Советскому Союзу, но Штейнгардт предложил, чтобы Советский Союз закупал в Америке готовую продукцию и сырье, а не оборудование. Молотов пояснил, что Советский Союз сам производит все необходимые ему продукты, но в настоящий момент необходимо обеспечить промышленность резервным оборудованием на случай уничтожения существующих заводов.

Данный эпизод показывает, что американское правительство даже в тех чрезвычайных условиях, когда Советское государство вело жестокую борьбу за свое выживание, рассматривало отношения между двумя державами преимущественно с **коммерческой** точки зрения. Но для советского руководства более значимыми были **политические** и **юридические** аспекты межгосударственных отношений.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР В.М. Молотова с послом США в СССР Л. Штейнгардтом. 29 июня 1941 г. // Документы внешней политики. 22 июня 1941 — 1 января 1942 г. Т. 24. С. 62.

2 июля 1941 года в беседе с помощником начальника отдела по европейским делам государственного департамента США Л. Хендерсоном посол СССР Уманский заявил: «Советское правительство ожидало, что американское правительство признает бывшие Прибалтийские государства неотъемлемой частью территории Советского Союза... Недавние заявления президента Соединенных Штатов свидетельствуют о том, что правительство Соединенных Штатов готово в целях обороны принять на некоторых неамериканских территориях меры, аналогичные тем, которые Советское правительство предприняло в Прибалтике»⁸⁶.

Хендерсон сначала ответил, что предпочитает не вступать в обсуждение этого вопроса, но потом все же возразил, что президент никогда не делал каких-либо заявлений о намерении Соединенных Штатов аннексировать иностранную территорию в целях обороны. Когда же Уманский назвал бывших должностных лиц стран Балтии, а также дипломатических и консульских представителей Прибалтийских государств в США нацистами, охарактеризовал их как прогермански настроенных, нечестных, лицемерных и так далее, Хендерсон прервал его, заявив, что больше не желает спорить на эту тему.

29 июля 1941 года советский посол беседовал с военным министром США Генри Стимсоном. Эта встреча подтвердила, что в высших американских кругах преобладали совсем не дружественные настроения по отношению к СССР. Стимсон откровенно заявил Уманскому, что поставки американского вооружения Советскому Союзу возможны лишь при условии допуска военных специалистов США в штабы воинских частей Красной Армии и на фронт. «Вы хотите, чтобы США вам помогали, — сказал он. — Мы сделаем все, что можем. Однако эта помощь осуществима в значительной степени лишь за счет вооружения, необходимого нам самим для нашей отставшей армии. Мы не можем пойти на подобные меры, работая вслепую. Эти меры мы должны будем показать перед конгрессом, где с меня спросят за каждый отданный самолет и орудие. Мы должны знать точно и видеть своими глазами, как используется

⁸⁶ «The Soviet Government expected the American Government to recognize the former Baltic States as an integral part of the territory of the Soviet Union... Recent announcements of the President of the United States indicated that the United States Government was prepared, for purposes of defense, to take measures in certain non-American areas similar to that which the Soviet Government had taken in the Baltic» (Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1941 (in Seven Volumes). Vol. 1. P. 784–785).

наше вооружение. Вы же нам завязываете глаза: наш военный атташе не допущен на театр военных действий — это беспрецедентно в военной истории. Страна, оказывающая помощь, всегда допускается к действительному изучению обстановки. Пока вы не снимете повязки с моих глаз и не позволите нам посмотреть события на месте американскими глазами, я колеблюсь принять решение по некоторым частям находящейся у меня на рассмотрении советской заявки»⁸⁷.

В телеграмме в Наркомат иностранных дел СССР Уманский назвал эту тираду Стимсона высокомерной, враждебной по существу и проявлением очень характерной для некоторых американских кругов тенденции использовать еще не предоставленную нам помощь для проникновения в наши дела. Стимсону Уманский ответил, что надеется все же на то, что помощь, предложенная Советскому Союзу Соединенными Штатами, не будет обставлена какими-либо условиями. Она должна вытекать «из понимания правительством США исторического значения нашей борьбы для судеб всех стран, европейских и внеевропейских, которым угрожает гитлеровская агрессия, и из понимания того, что гитлеризм сосредоточил против нас 95% всех своих сил и ресурсов»⁸⁸. Остается надеяться, добавил советский посол, что «все американские деятели будут соблюдать должную пропорцию между историческим размахом развернувшихся событий и второстепенными техническими вопросами и не будут обуславливать решение первостепенных дел относительно мелкими вопросами»⁸⁹.

Вечером 30 июля 1941 года состоялась первая встреча Сталина с личным представителем президента Франклина Рузвельта Гарри Гопкинсом. Сталина сопровождал Молотов со своим помощником М.М. Потрубачем, а Гопкинса — посол США Штейнгардт и переводчик, третий секретарь американского посольства Рейнхардт. Начиная разговор с главой советского правительства, Гопкинс сообщил, что прибыл как личный представитель президента США. «Президент считает Гитлера врагом человечества и поэтому желает оказать

⁸⁷ Телеграмма посла СССР в США К.А. Уманского в Народный Комиссариат Иностранных дел. 29 июля 1941 г. // Документы внешней политики. 22 июня 1941 — 1 января 1942 г. Т. 24. С. 192.

⁸⁸ Там же. С. 192–193.

⁸⁹ Там же.

помощь Советскому Союзу в его борьбе против Германии»⁹⁰. Далее Гопкинс подчеркнул, что его миссия не является дипломатической в том смысле, что он не имеет полномочий предлагать какое-либо формальное понимание чего-либо.

В послании Рузвельта, которое Гопкинс передал Сталину, круг полномочий Гопкинса ограничивался поручением выяснить самые срочные нужды Советского Союза и обсудить вопрос о том, как упростить и ускорить поставки вооружения и материалов для их производства из США в СССР. Очевидно, что президент США смотрел на советско-американские отношения прежде всего как на коммерческую сделку. Но вместе с тем он не исключал перспективы перерастания этих отношений в военно-политический союз. «Я прошу Вас, — писал Рузвельт Сталину. — относиться к г-ну Гопкинсу с таким же доверием, какое Вы испытывали бы, если бы говорили лично со мной. Он сообщит непосредственно мне о Ваших взглядах, которые Вы ему изложите, и расскажет мне о том, что Вы считаете самыми срочными отдельными проблемами, по которым мы можем оказать помощь. Разрешите мне в заключение выразить общее для нас всех в Соединенных Штатах восхищение замечательной храбростью, проваленной русским народом в деле защиты своей свободы, в борьбе за независимость России. Успех вашего народа и всех других народов в противодействии агрессии Гитлера и его планам завоевания мира ободряет американский народ»⁹¹.

Сталин назвал Гопкинсу, какие типы вооружения необходимы Советскому Союзу и обсудил с ним вопрос о наиболее оптимальных маршрутах и способах транспортировки военной продукции из США в СССР. Также он изложил представителю американского президента свой взгляд на фашистскую Германию и главное условие мирного сосуществования стран с разными политическими режимами.

В отчете президенту США об этой беседе в Кремле Гопкинс написал, что «господин Сталин говорил о необходимости установления минимального

⁹⁰ «I told Mr. Stalin that I came as personal representative of the President. The President considered Hitler the enemy of mankind and that he therefore wished to aid the Soviet Union in its fight against Germany» (Conference at the Kremlin on July 30, 1941, 6:30 to 8:30 P.M. between Harry Hopkins and Mr. Stalin. Also present were Ambassador Steinhardt and Mr. Reinhardt, American Interpreter // Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1941 (in Seven Volumes). Vol. 1. General. The Soviet Union. P. 802).

⁹¹ Цит. по: *Шервуд Р.* Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 1. С. 518.

морального стандарта между всеми нациями, и [что] без такого минимального морального стандарта нации не могли бы сосуществовать... По его словам, страны должны выполнять свои договорные обязательства, иначе международное сообщество не сможет существовать»⁹². Это изложение сказанного Сталиным Гопкинсу полностью совпадает с записью, сделанной помощником Молотова Потрубачем⁹³.

31 июля 1941 года состоялась вторая встреча Сталина и Гопкинса. Если первая длилась два часа, то вторая — на час больше. Но интересно, что запись данной беседы в Архиве внешней политики Российской Федерации отсутствует. Нет ее и в фонде И.В. Сталина в Российском государственном архиве социально-политической истории, в котором сохранилась запись первой беседы Сталина и Гопкинса. Скорее всего, содержание второго разговора председателя СНК СССР с представителем президента США с советской стороны никем не записывалось. Сталина сопровождал на этой встрече М.М. Литвинов, занимавший в 1930–1939 годах пост наркома иностранных дел, но в его обязанности входил только перевод беседы. Поэтому о содержании второго разговора Сталина и Гопкинса можно судить лишь по отчету, который составил для президента Рузвельта его личный представитель. Текст данного отчета весьма обширен и разбит на три части, но не по ходу беседы, а по ее темам.

В начале встречи Гопкинс сказал Сталину, что президент очень хотел бы получить сталинскую оценку войны между Германией и Россией и анализ боевых действий. Сталин довольно подробно рассказал о ходе войны и соотношении сил, в том числе о личном составе армий и видах вооружений. Свою запись данного сообщения Гопкинс прокомментировал словами:

⁹² Mr. Stalin spoke of the necessity of there being a minimum moral standard between all nations and without such a minimum moral standard nations could not co-exist... Nations must fulfill their treaty obligations, he said, or international society could not exist» (Conference at the Kremlin on July 30, 1941, 6:30 to 8:30 P.M. between Harry Hopkins and Mr. Stalin. P. 803).

⁹³ Прием тов. Сталиным личного представителя Рузвельта г-на Гопкинса. 30 июля 1941 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 376. Л. 4. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 21. Д. 288. Л. 7. Запись беседы председателя Совета народных Комиссаров СССР И.В. Сталина с личным представителем президента США Г. Гопкинсом. 30 июля 1941 г. // Документы внешней политики. 22 июня 1941 — 1 января 1942 г. Т. 24. М., 2000. С. 199.

«Сведения, приведенные выше, не были подтверждены никаким другим источником»⁹⁴.

Завершив обзор военного положения, Сталин выразил благодарность Рузвельту за проявляемый им интерес к борьбе Советского Союза против германской агрессии и после этого сказал, что хотел бы передать президенту свое личное послание. Как заметил Сталин, сначала он намеревался составить его в письменной форме, но потом посчитал более целесообразным, чтобы оно было передано президенту устно его личным представителем.

То, что Сталин сообщил через Гопкинса Рузвельту, было весьма важным, и Гопкинс выделил это сообщение в отдельную, третью, часть своего отчета, сделав на ней пометку «For the President Only»⁹⁵ (Только для президента)».

Согласно записи Гопкинса, Сталин сказал, что, по его мнению, США в конце концов неизбежно столкнутся с Германией на каком-нибудь поле боя, потому что «мощь Германии настолько велика, что, хотя Россия⁹⁶ может сама себя защитить, Британии и России, объединившись, было бы очень трудно сокрушить германскую военную машину»⁹⁷. Но одно только объявление Соединенных Штатов о том, что они вступают в войну с Германией, могло бы нанести Гитлеру поражение, поскольку оно оказало бы деморализующее воздействие на германскую армию и германский народ.

Далее Сталин, как гласит отчет Гопкинса, сообщил в своем устном послании Рузвельту о том, что «война будет ожесточенной и, возможно, длительной»⁹⁸, добавив, что, если США действительно вступят в нее, то он хотел

⁹⁴ «No information given above was confirmed by any other source» (Conference held at the Kremlin on July 31, 1941, between Mr. Stalin, Mr. Hopkins and the Interpreter Mr. Litvinov, at the Kremlin in Moscow — 6:30 P.M. to 9:30 P.M. // Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1941 (in Seven Volumes). Vol. 1. P. 813.

⁹⁵ Эта пометка означала, что текст третьей части своего отчета о второй беседе со Сталиным Гопкинс представил только президенту Рузвельту и не направил его вместе с первыми двумя частями государственному секретарю Корделлу Халлу.

⁹⁶ Для западных политиков СССР оставался прежней Российской империей, поэтому, говоря о Советском государстве, они продолжали называть его Россией.

⁹⁷ The might of Germany was so great that, even though Russia might defend herself, it would be very difficult for Britain and Russia combined to crush the German military machine» (Conference held at the Kremlin on July 31, 1941, between Mr. Stalin. P. 814).

⁹⁸ «Stalin said that he believed, however, that the war would be bitter and perhaps long» (ibid. P. 814).

бы передать президенту, что «приветствовал бы американские войска на любом участке русского фронта под полным американским командованием»⁹⁹.

Выслушав послание Сталина Рузвельту, Гопкинс заметил, что его миссия связана исключительно с вопросами снабжения и что решение вопроса о вступлении США в войну с Германией зависит в основном от Гитлера и от его посягательств на фундаментальные американские интересы. Личный представитель президента США выразил сомнение в том, что в случае войны американское правительство захочет присутствия своей армии в России, но обещал Сталину передать его послание президенту.

После этого Гопкинс сказал Сталину, что американское руководство и британское правительство намерены сделать все возможное, чтобы поставить России заказанное вооружение и снаряжение, но США имеют большие обязательства в отношении снабжения собственной армии и несут очень серьезную ответственность за снабжение Англии, Китая и республик Южной Америки. Поэтому, добавил он, решения, касающиеся проблемы долгосрочного снабжения, могут быть приняты лишь в том случае, «если американское правительство будет иметь полные сведения не только о военном положении в России, но и о типах, количестве и качестве ее вооружений, а также о ресурсах сырья и промышленном потенциале»¹⁰⁰.

Данное заявление личного представителя Франклина Рузвельта представляло собой попытку воспользоваться тяжелой для нашей страны ситуацией, чтобы получить доступ к сведениям о состоянии ее армии, промышленности и сырьевой базе, составлявшим тщательно оберегавшуюся государственную тайну. Вторая мировая война всегда оставалась для американского правительства исключительно внешним событием, а не борьбой за выживание своего народа и сохранение его государственности. Поэтому в переговорах с главой советского правительства Гопкинс не скрывал стремления получить максимальные выгоды для США за поставку в СССР вооружений и материалов. Президент Рузвельт и другие должностные лица американской администрации называли эти поставки «оказанием помощи» Советскому

⁹⁹ «He wanted me to tell the President that he would welcome the American troops on any part of the Russian front under the complete command of the American Army» (ibidem).

¹⁰⁰ «I told him that the decisions relating to the long-range supply problem could only be resolved if our government had complete knowledge, not only of the military situation in Russia, but of type, number and quality of their military weapons, as well as full knowledge of raw materials and factory capacity» (ibid. P. 812).

Союзу. На самом деле это были весьма выгодные для США торговые операции. Советское руководство не надеялось на безвозмездную отставку вооружения и снаряжения из США и намеревалось оплачивать их золотом и сырьевыми материалами, в которых нуждалась американская промышленность¹⁰¹.

Одной из причин отказа правительства США поставить в СССР заказанное советским правительством вооружение и снаряжение являлись сомнения в способности Советского государства эти товары оплатить. Доверенное лицо Франклина Рузвельта министр внутренних дел Гарольд Икес записал 28 сентября 1941 года в свой секретный дневник, что одной тем, обсуждавшихся на совещаниях у президента, был вопрос о том, каким золотым запасом обладает Советский Союз. Эту тайну Рузвельт пытался узнать у советского посла Уманского, но безуспешно — и поэтому злился на него. По словам Г. Икеса, у Рузвельта шли «разговоры о золотом запасе, который может быть у русских, и о том, что мы должны попытаться выяснить, сколько он составляет. В связи с этим обсуждением президент назвал посла Уманского "грязным маленьким лжецом"... Было выражено, кажется, желание, чтобы Россия передала нам все свое золото для оплаты товаров в США до тех пор, пока этот запас не будет исчерпан»¹⁰².

США и Великобритания находились под властью мировой финансовой олигархии, для которой Вторая мировая война являлась всего лишь грандиозной геополитической и финансово-коммерческой операцией, предпринятой для собственного обогащения и упрочения своей власти. Но для нашей страны, для нашего народа, эта война была **отечественной — великой битвой за свое существование как особой цивилизации, особой культурной общности с самостоятельной государственностью**. Почему же оказался возможным военно-политический союз столь разных мировых сил? И как

¹⁰¹ Правительство США еще 28 июля, до встречи Гопкинса со Сталиным, представило советскому правительству меморандум о материалах, которые оно хотело бы приобрести у Советского Союза. Их список включал в себя такие позиции, как иридий, платина, марганец, хромовая руда и др.

¹⁰² «There was talk about the gold reserves that the Russians might have and we are to make an attempt to find out what they amount to. In connection with this discussion the President referred to Ambassador Oumansky as "a dirty little liar"... It seemed to be the desire that Russia should turn over to us what gold she has, which would go to pay for goods here up to the limit of that reserve» (The Secret Diary of Harold L. Ickes. In 3 vols. Vol. 3. The Lowering Clouds, 1939-1941. New York, 1954. P. 620). По признанию американских историков, данный дневник отличается удивительной откровенностью в описании политики и атмосферы рузвельтовской администрации.

удалось превратить этот весьма странный альянс в орудие формирования нового международного правопорядка?

4

В августе 1941 года наступил переломный момент в формировании военно-политического альянса СССР, Великобритании и США. В этот период наметились основные векторы его дальнейшего развития, начала создаваться система конкретных юридических договоров и неформальных секретных соглашений, в которых были обозначены черты будущего послевоенного мирового устройства. Вместе с тем отчетливее выявились и главные противоречия между союзниками: стало ясно, например, что альянс объединил страны, правительства которых имели несовпадающие взгляды на сущность союзнических отношений и во многом несовместимые между собой представления о фундаментальных основах международного права, о том, как должен строиться международный правопорядок.

В правящем слое Великобритании доминировало весьма пренебрежительное отношение к межгосударственным союзам: преобладало мнение о них как о коалициях, построенных на неформальных и юридически не обязывающих договоренностях между правительствами. Основой международного права, главным фактором, поддерживающим международный правопорядок, британский истеблишмент считал не систему общих правовых ценностей, а равновесие сил между державами. Выступая 13 июля 1934 года в Палате общин при обсуждении внешней политики правительства Великобритании, Уинстон Черчилль говорил: «Если вы хотите развязать войну, вы создаете такой баланс, чтобы обе стороны думали, что у них есть шанс на победу. Если вы хотите остановить войну, вы собираете такую силу на одной стороне, что агрессор, кем бы он ни был, не посмеет бросить вызов»¹⁰³. Британские политические деятели были убеждены, что межгосударственные альянсы необходимы только для того, чтобы компенсировать нарушение баланса сил на международной арене.

Правящий слой США также смотрел на международное право лишь как на выражение баланса интересов ведущих мировых держав, и когда международно-правовые нормы противоречили его эгоистическим интересам,

¹⁰³ «If you wish to bring about war, you bring about such a balance that both sides think they have a chance of winning. If you want to stop war, you gather such an aggregation of force on one side that the aggressor, whoever he may be, will not dare to challenge» (Parliamentary Debates (Hansard). House of Commons. Fifth Series. Vol. 292. 13 July 1934. P. 730–731). Перевод здесь и далее В.А. Томсинова.

без колебаний отдавал предпочтение именно последним. С этой точки зрения межгосударственный альянс мыслился как способ достижения не общих для всех его участников целей, а исключительно американских, и представлялся объединением временным, неформальным, неюридическим.

Советская доктрина, которой следовали руководители СССР, исходила из того, что в основе международного права лежит система общих для всех государств правовых ценностей. Именно поэтому Сталин в беседе с личным представителем президента США Гарри Гопкинсом подчеркивал: «Для того, чтобы при разности режимов можно было осуществить сотрудничество между соседними странами, *необходим минимум морали, необходимо соблюдать святость подписанных между государствами договоров, регулирующих их отношения*, на чем основаны их сотрудничество и их сосуществование. Без этих условий сосуществование государств *немыслимо*»¹⁰⁴ (курсив мой. — В.Т.). Межгосударственный альянс рассматривался советским руководством как союз договорный, имеющий юридическую основу и соответственно обязывающий его участников к совершению или несвершению действий, предусмотренных договорами между ними. Он должен не нарушать существующее международное право, а поддерживать и дополнять его, формировать фундамент нового международно-правового порядка.

С учетом такого взгляда на формировавшийся альянс СССР, Великобритании и США вполне понятен шаг, предпринятый советским внешнеполитическим ведомством 8 августа 1941 года: в иностранные посольства, находившиеся в то время в Москве, была разослана специальная нота об отношении советского правительства к международным договорам. В частности, в посольство США была направлена нота следующего содержания: «Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР, свидетельствуя свое почтение Посольству Соединенных Штатов Америки, имеет честь сообщить, что в настоящей, навязанной Советскому Союзу войне с Германией Правительство Союза ССР будет соблюдать общеизвестные международные договоры, касающиеся права войны, и в частности: 1. Гаагскую Конвенцию от 18 октября 1907 г. о законах и обычаях сухопутной войны. 2. Женевский Протокол от 17 июня 1925 г. о запрещении применения на войне удушливых,

¹⁰⁴ Запись беседы председателя Совета народных Комиссаров СССР И.В. Сталина с личным представителем президента США Г. Гопкинсом. 30 июля 1941 г. // Документы внешней политики. 22 июня 1941 — 1 января 1942 г. Т. 24. С. 199.

ядовитых и других подобных газов и бактериологических средств. 3. Женевскую Конвенцию от 27 июля 1929 г. об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях.

Советское Правительство считает, однако, необходимым заявить, что, ввиду систематического нарушения гитлеровской Германией международных договоров и конвенций. Советское Правительство будет соблюдать в отношении Германии указанные выше договоры и конвенции постольку, поскольку они будут соблюдаться самой Германией»¹⁰⁵.

* * *

Советско-британское соглашение от 12 июля 1941 года, которым оба правительства взаимно обязывались оказывать друг другу всякого рода помощь в войне против фашистской Германии, обещали не вести в продолжение этой войны переговоров о мире и не заключать перемирие без обоюдного согласия, в августе указанного года дополнилось рядом конкретных договоров и договоренностей: о сотрудничестве разведок двух стран; о более глубоком информировании английской общественности о жизни советского общества; согласовании английской и советской пропаганды, проводимой в отношении других стран; внешней политике по отношению к Турции и др.

16 августа 1941 года правительствами Великобритании и СССР было заключено Соглашение о взаимных поставках, кредите и порядке платежей¹⁰⁶.

21 августа 1941 года в беседе первого заместителя иностранных дел СССР А.Я. Вышинского и посла Великобритании С. Криппса были окончательно согласованы детали первой совместной операции советских и британских войск¹⁰⁷. Вскоре после нападения Германии на СССР Уинстон Черчилль предложил советскому руководству ввести войска в Иран с целью предотвращения его перехода на сторону фашистской Германии и установить советско-британский контроль над ним на все время, пока идет война. Фашистская Германия с конца 1930-х годов вела активную политику в Иране, превращая его в базу для военных выступлений против Советского Союза.

¹⁰⁵ Нота Правительства СССР посольству Соединенных Штатов Америки в СССР. 8 августа 1941 г. // Документы внешней политики. 22 июня 1941 – 1 января 1942 г. Т. 24. С. 224.

¹⁰⁶ Документы внешней политики. 22 июня 1941 – 1 января 1942 г. Т. 24. С. 239–242.

¹⁰⁷ Запись беседы первого заместителя народного комиссара иностранных дел А.Я. Вышинского с послом Великобритании в СССР С. Криппсом. 21 августа 1941 г. // Документы внешней политики. 22 июня 1941 – 1 января 1942 г. Т. 24. С. 246.

СССР имел юридические основания для ввода своих войск на иранскую территорию. Статья 6 Договора между РСФСР и Персией от 26 февраля 1921 года предусматривала: «В случае, если со стороны третьих стран будут иметь место попытки путем вооруженного вмешательства осуществлять на территории Персии захватную политику или превращать территорию Персии в базу для военных выступлений против России, если при этом будет угрожать опасность границам Российской Социалистической Федеративной Советской Республики или союзных ей держав и если Персидское Правительство после предупреждения со стороны Российского Советского Правительства само не окажется в силе отворотить эту опасность, Российское Советское Правительство будет иметь право ввести свои войска на территорию Персии, чтобы в интересах самообороны принять необходимые военные меры»¹⁰⁸.

Сталин почти два месяца размышлял над предложением Черчилля провести совместную военную операцию в Иране и в конце концов дал на это согласие. Данная операция получила соответственно кодовое наименование «Согласие».

25 августа 1941 года советское правительство обратилось к иранскому правительству с нотой, в которой напомнило об уступках и преимуществах, предоставленных Советским государством Ирану в последние двадцать лет, и вместе с тем привело множество фактов, свидетельствующих о нарушениях правительством Ирана советско-иранского договора от 26 февраля 1921 года. В частности, в документе говорилось о том, что германские агенты, свободно действующие в этой стране, в своей преступной работе «самым грубым и беззастенчивым образом попирают элементарные требования уважения к суверенитету Ирана, превратив территорию Ирана в арену подготовки военного нападения на Советский Союз», на что советское правительство трижды – 26 июня, 19 июля и 16 августа – обращало внимание иранского правительства, однако «меры, которые положили бы конец затеваемым германскими агентами на территории Ирана смуте и беспорядкам», не были приняты¹⁰⁹.

В конце ноты советское правительство заявляло, что «оказалось вынужденным принять необходимые меры и немедленно же осуществить принадлежащее Советскому Союзу, в силу ст. 6 Договора 1921 г., право ввести

¹⁰⁸ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. М., 1944. С. 971–972.

¹⁰⁹ Нота Правительства СССР Правительству Ирана. [25 августа 1941 г.] // Документы внешней политики. 22 июня 1941 – 1 января 1942 г. Т. 24. С. 259.

временно в целях самообороны на территорию Ирана свои войска. Эти меры никоим образом не направлены против иранского народа. Советское Правительство не имеет никаких посягательств в отношении территориальной целостности и государственной независимости Ирана. Принимаемые Советским Правительством военные меры направлены исключительно только против опасности, созданной враждебной деятельностью немцев в Иране. Как только эта опасность, угрожающая интересам Ирана и СССР, будет устранена. Советское Правительство, во исполнение своего обязательства по советско-иранскому Договору 1921 г., немедленно выведет советские войска из пределов Ирана»¹¹⁰.

В тот же день советские и британские войска вошли в Иран. 29 и 30 августа 1941 года иранская армия капитулировала. 15 сентября советскими и британскими войсками был занят Тегеран. Ориентировавшийся в своей внешней политике на Германию шахиншах Мохаммед Реза Пехлеви на следующий день отрекся от престола в пользу своего сына. Иран оказался под полным контролем Советского Союза и Великобритании.

Советско-британский альянс в результате этих событий перестал быть только дипломатическим и экономическим — он приобрел также военно-политический характер.

* * *

В рассматриваемый период параллельно развитию советско-британских отношений шел процесс выработки общих целей и параметров сотрудничества между Великобританией и США. Первым документом, отразившим эти цели и параметры, стала совместная декларация Франклина Рузвельта и Уинстона Черчилля, составленная в результате их бесед, проходивших с 9 по 12 августа 1941 года в бухте Пласенция острова Ньюфаундленд на борту американского крейсера «Огаста (Augusta)» и британского линкора «Принц Уэльсский (Prince of Wales)».

Премьер-министр Великобритании рассказал впоследствии в своих мемуарах о том, как возникла идея составления данного заявления: «Во время одной из наших первых бесед президент Рузвельт сказал мне, что, по его мнению, было бы хорошо, если бы мы составили совместную декларацию, излагающую некоторые общие принципы, которые должны направлять нашу

¹¹⁰ Там же. С. 260.

политику по одному и тому же пути. Ухватившись за это чрезвычайно полезное предложение, я представил ему на следующий день, 10 августа, предварительный набросок такой декларации»¹¹¹. Составленный Черчиллем проект состоял из преамбулы и пяти параграфов.

Утром 11 августа президент США возвратил текст декларации премьер-министру Великобритании, сделав поправку к одному из параграфов и добавив два дополнительных. В тот же день в 13 час 50 мин. Черчилль послал в Лондон зашифрованную телеграмму с изложением декларации. Из-за разницы во времени в Лондоне она была получена после полуночи, но кабинет министров был готов к работе и сразу же приступил к обсуждению документа. Рано утром 12 августа, в 4 часа 10 мин. по лондонскому времени, британское правительство телеграфировало Черчиллю об одобрении декларации и о предложении добавить восьмой пункт, в котором говорилось о сотрудничестве между нациями в экономической области с целью обеспечения для всех улучшенных условий труда, экономического развития и общественной безопасности. Американский президент согласился с этим предложением, и данный пункт был включен в декларацию в качестве пятого параграфа.

Окончательный вариант совместной декларации президента США и премьер-министра Великобритании, получившей впоследствии наименование «Атлантическая хартия»¹¹², был согласован 12 августа. Через день, переданный по телеграфу в Лондон и Вашингтон, он был зачитан по американскому и британскому радио.

В исторической литературе, посвященной этой декларации, часто утверждается, что она была подписана президентом США и премьер-министром Великобритании. В действительности данный документ никем не подписывался¹¹³, поскольку его авторы не придавали ему юридической силы договора (хартии), а воспринимали лишь в качестве *декларации о своих*

¹¹¹ Churchill W.S. The Second World War. Vol. 3. The Grand Alliance. Boston, 1985. P. 385.

¹¹² Название «Атлантическая хартия» было впервые применено к рассматриваемому документу в газете «Daily Herald» и в парламентской речи У. Черчилля 24 августа 1941 г.

¹¹³ Этот факт признавали и Франклин Рузвельт, и Уинстон Черчилль. Выступая на пресс-конференции в декабре 1944 г., президент США сообщил, что «Атлантическую хартию никто не подписал». Позднее У. Черчилль, рассказывая о Крымской конференции руководителей СССР, США и Великобритании, состоявшейся в феврале 1945 г., процитировал Ф. Рузвельта, сказавшего, что неписаная британская конституция «подобна Атлантической хартии — такого документа не существует, но весь мир о нем знает (it was like the Atlantic Charter — the document did not exist, yet all the world knew about it)».

намерениях в области внешней политики. На это указывает и содержание документа.

Его текст открывала преамбула: «Президент Соединенных Штатов и премьер-министр господин Черчилль, представляющий Правительство Его Величества в Соединенном королевстве, после совместного обсуждения сочли целесообразным обнародовать определенные общие принципы национальной политики их стран, на основе которых они базируют свои надежды на лучшее будущее для мира»¹¹⁴. Далее шло изложение указанных принципов:

«Во-первых, их страны не стремятся к расширениям, территориальным или другим.

Во-вторых, они не желают видеть никаких территориальных изменений, которые не согласуются со свободно выраженными желаниями заинтересованных народов.

В-третьих, они уважают право всех народов выбирать форму правления, при которой они хотят жить; и они желают видеть суверенные права и самоуправление восстановленными для всех, кто был насильственно лишен их.

В-четвертых, они будут стремиться, с должным уважением к своим существующим обязательствам, содействовать обеспечению всем государствам, большим или малым, победителям или побежденным, доступа на равных условиях к торговле и сырьевым материалам мира, необходимых для их экономического процветания.

В-пятых, они выражают желание к установлению полного сотрудничества между всеми нациями в экономической области с целью обеспечить для всех улучшенные условия труда, экономическое развитие и общественную безопасность.

В-шестых, после окончательного уничтожения нацистской тирании они надеются увидеть установление мира, который даст всем нациям возможность жить в безопасности в пределах собственных границ и который позволит гарантировать, чтобы все люди во всех странах могли жить всю свою жизнь в свободе от страха и нужды.

¹¹⁴ Joint Declaration by the President of the United States of America and mr Winston Churchill, representing His Majesty's Government in the United Kingdom, known as the Atlantic Charter. August 14, 1941 // United Nations Documents. 1941-1945. London, 1946. P. 9.

В-седьмых, такой мир должен позволить всем людям беспрепятственно пересекать открытые моря и океаны.

В-восьмых, они считают, что все нации мира должны как по соображениям реалистического и возвышенного характера прийти к отказу от применения силы. Поскольку никакой будущей мир не может быть сохранен, если сухопутные, морские или воздушные вооружения будут продолжать применяться нациями, которые угрожают или могут угрожать агрессией за пределами своих границ, они считают, что впредь до установления более широкой и постоянной системы общей безопасности разоружение таких наций является необходимым. Они будут также оказывать помощь и содействие всем другим практическим мерам, которые облегчат для всех миролюбивых народов тяжелое бремя вооружений»¹¹⁵.

В тексте Атлантической хартии не было даже намека на существование СССР, армия которого в то время, когда этот документ составлялся, вела тяжелые бои с вторгнувшимися на советскую территорию дивизиями фашистской Германии и ее союзников. Между тем и Франклину Рузвельту, и Уинстону Черчиллю было очевидно, что судьба будущего международного правопорядка в целом решалась на восточном фронте и возможность реализации на практике провозглашенных ими принципов зависела от исхода войны между СССР и фашистской Германией. При этом оба руководителя ведущих западных держав не сомневались в поражении германского фашизма. Неслучайно, что об устройстве послевоенного мира они заговорили только после того, как во Вторую мировую войну вступил подвергшийся нападению со стороны Германии Советский Союз.

15 августа 1941 года послы Великобритании и США прибыли к Сталину, чтобы передать ему текст совместного послания Рузвельта и Черчилля. Это было весьма странное по содержанию письмо. Президент США и премьер-министр Черчилль сообщили Сталину о том, что провели между собой встречу, но почему-то изобразили ее мероприятием, затеянным специально для обсуждения поездки Гарри Гопкинса в Москву, а выработанный документ представили как итог обмена мнениями о принципах совместной политики альянса¹¹⁶. «Мы должны теперь обратить наше внимание, на рассмотрение

¹¹⁵ Ibid. P. 10.

¹¹⁶ «Мы воспользовались случаем, который представился при обсуждении отчета г-на Гарри Гопкинса по его возвращении из Москвы, для того чтобы вместе обсудить вопрос о том, как наши две страны могут наилучшим образом помочь Вашей стране в том великольном

политики, рассчитанной на более длительное время, — написали они Сталину, — ибо предстоит еще пройти большой и трудный путь до того, как будет достигнута та полная победа, без которой наши усилия и жертвы были бы напрасными»¹¹⁷.

Далее президент США и премьер-министр Великобритании посетовали, что ресурсы их стран «хотя и огромны, тем не менее они ограничены, и речь должна идти о том, где и когда эти ресурсы могут быть наилучшим образом использованы в целях максимального содействия нашим общим усилиям»¹¹⁸. В связи с этим они заявили Сталину: «Потребности и нужды Ваших и наших вооруженных сил могут быть определены лишь в свете полной осведомленности о многих фактах, которые должны быть учтены в принимаемых нами решениях. Для того чтобы мы все смогли принять быстрые решения по вопросу о распределении наших общих ресурсов, мы предлагаем подготовить совещание в Москве, на которое мы послали бы высокопоставленных представителей, которые могли бы обсудить эти вопросы непосредственно с Вами»¹¹⁹.

Ознакомившись с посланием Рузвельта и Черчилля, Сталин сказал Штейнгардту и Крипсу, что приветствует высказанное их руководителями предложение созвать в Москве совещание представителей трех стран для распределения сырья и вооружения. Он попросил послов передать Рузвельту и Черчиллю от имени народов Советского Союза и от имени советского правительства «сердечную благодарность за их готовность оказать помощь СССР в его освободительной войне против гитлеровской Германии»¹²⁰.

Сталин внешне спокойно и доброжелательно отреагировал на совместное послание Рузвельта и Черчилля, хотя и понял всю подоплеку Атлантической хартии. Президент США и премьер-министр Великобритании решили, что

отпоре, который Вы оказываете нацистскому нападению» (Ф. Рузвельт и У. Черчилль И.В. Сталину. Получено 15 августа 1941 года // Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и с премьер-министрами Великобритании во время Великой отечественной войны 1941–1945 гг. Том 2. Переписка с Ф. Рузвельтом и Г. Трумэнном (август 1941 г. – декабрь 1945 г.). М., 1958. С. 9).

¹¹⁷ Там же. С. 10.

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Запись беседы Председателя Совета Народных Комиссаров СССР И.В. Сталина с послом США в СССР Л. Штейнгардтом и послом Великобритании в СССР С. Крипсом. 15 августа 1941 г. // Документы внешней политики. 22 июня 1941 – 1 января 1942 г. Т. 24. С. 238.

могут не особенно считаться с геополитическими интересами Советского государства и выстраивать союзнические отношения с ним не как с равной политической силой, а как с младшим и подчиненным партнером. Этот вывод подкреплялся назначением ими без согласования со Сталиным союзнической конференции в Лондоне.

24 августа 1941 года В. М. Молотов направил послу Майскому в Лондон зашифрованную телеграмму, в которой сообщил, что в Москве еще не получили текста ноты Энтони Идена о предстоящей 27 августа межсоюзнической конференции в Лондоне и о программе ее работы. «Понятно, — констатировал Молотов, — что в таких условиях мы не можем участвовать в конференции союзников, подготовленной к тому же без какого-либо предварительного уведомления СССР»¹²¹.

После этой констатации Вячеслав Михайлович сообщил Майскому: «Что же касается декларации Черчилля-Рузвельта, то мы не можем просто присоединиться к ней, хотя бы потому что она подготавливалась и опубликована без всякой предварительной информации и без учета мнения СССР, несущего теперь всю тяжесть войны с гитлеризмом. Мы не имеем возражений против принципов декларации, и мы были бы вполне удовлетворены, если бы декларация содержала более решительные требования против гитлеровской Германии. Но мы не можем просто присоединиться к ней, хотя бы потому что **руководящие люди страшно раздражены тем, что СССР хотят превратить в безгласное приложение других держав.** Доведите об изложенном до сведения английского правительства»¹²² (выделено мной. — В.Т.).

Обстоятельства, при которых была принята Атлантическая хартия, ее содержание и подтекст подсказывали, что правительства США и Великобритании в то время считали СССР не союзником, а сателлитом, то есть всего лишь орудием своей внешней политики — прежде всего силой, которую можно было эффективно использовать против чрезмерно усилившейся Германии. Поэтому Рузвельт и Черчилль намеренно не принимали во внимание геополитические интересы СССР. Их заявление о том, что «они не желают видеть никаких территориальных изменений, которые не согласуются

¹²¹ Шифртелеграмма наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова послу СССР в Великобритании И.М. Майскому. 24 августа 1941 г. // Архив внешней политики Российской Федерации (далее: АВП РФ). Ф. 059. Оп. 1. П. 365. Д. 2488. Л. 38.

¹²² Там же. Л. 38–40.

со свободно выраженными желаниями заинтересованных народов», звучало как вызов по отношению к нашей стране, вернувшей в 1939 и 1940 годах в свой состав утраченные во время гражданской войны свои исконные территории: Западную Белоруссию, Западную Украину, Прибалтику, Бессарабию и Северную Буковину.

В советском правительстве оскорбительный характер Атлантической хартии осознали быстро. 23 августа 1941 года заместитель наркома иностранных дел СССР С.А. Лозовский направил наркому Молотову докладную записку, в которой довольно резко охарактеризовал созданную Рузвельтом и Черчиллем ситуацию. «Англичане и американцы распоясались, – сообщал он. – После косвенных намеков через американских журналистов о присоединении к декларации Рузвельт–Черчилль, Иден предложил т. Майскому, чтобы Советский Союз взял на себя инициативу предложить на союзнической конференции принять декларацию Рузвельт–Черчилль. Для того, чтобы не было никакого сомнения в том, что англичане и американцы хотят нас поставить на положение находящихся в Лондоне эмигрантских правительств и подвластных Англии доминионов, Рузвельт в своем послании Конгрессу заявил: “Принципы декларации в настоящее время являются целью, достойной стремления нашей современной цивилизации. Эти принципы настолько четко сформулированы, что всякое возражение против любой части декларации автоматически предполагает готовность пойти на компромисс с нацизмом или согласие на заключение такого мира, который обеспечил бы нацизму господство над большим числом покоренных народов”.

Для того, чтобы заставить нас присоединиться к декларации, в выработке которой мы не принимали никакого участия, англичане и американцы задерживают посылку нам помощи и ничего конкретного не говорят о времени открытия московской конференции трех держав.

Пойти на этот шантаж мы, конечно, не можем, ибо это только растравило бы аппетиты англичан и американцев по части предъявления нам политических требований за военно-экономическую помощь и приравнивания Советского Союза к полякам, чехам, бельгийцам, норвежцам и прочим грекам»¹²³.

¹²³ Докладная записка заместителя наркома иностранных дел СССР С.А. Лозовского наркому иностранных дел СССР В.М. Молотову. 23 августа 1941 г. // АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 21. Д. 281. Л. 57–58.

Вывод заместителя наркома иностранных дел был следующим: «Цель всех этих туманных, но все-таки довольно ясных предложений сводится к одному — поставить нас в полную зависимость от Англии и Соединенных Штатов и подчеркнуть перед всем миром, что Советский Союз может претендовать на роль равного среди подчиненных союзников Великобритании»¹²⁴.

26 августа 1941 года состоялась довольно продолжительная беседа И.М. Майского с Энтони Иденом о взаимоотношениях СССР и Великобритании. В конце разговора глава британского Foreign Office стал объяснять, что он и Черчилль действительно желают оказать СССР максимальную помощь, но в силу разных причин это не всегда легко сделать. Майский на это ответил, имея в виду историю с принятием так называемой Атлантической хартии: «Если британское правительство действительно хочет укрепить советско-британский союз, то позвольте дать Вам один дружеский совет: не принимайте ответственных деклараций в середине Атлантического океана. Дело не в содержании декларации. Вчера я уже Вам говорил, что мы не возражаем против принципов, на которых построена декларация. Однако способ ее рождения¹²⁵ кажется нам не соответствующим обстоятельствам. То, что произошло, создало впечатление, будто бы Англия и США воображают себя всемогущим господом богом, который призвал судить весь остальной грешный мир, в том числе и мою страну. На такой базе союз нельзя будет укрепить»¹²⁶.

* * *

Атлантическая хартия, хотя и создавалась как декларация об общих принципах, не была на самом деле документом, выражавшим одинаковые взгляды ее творцов на устройство международного правопорядка. Стремление США обеспечить себе свободу морской торговли на возможно более широком пространстве неизбежно наталкивалось на препятствие — Британскую колониальную империю. Колониальные владения Великобритании, и среди них прежде всего Индия, как раз являлись главным ограничителем для морской торговли Соединенных Штатов. Это заставляло американского президента предпринимать шаги, ведущие к ограничению власти Великобритании над колониями. Уинстон Черчилль предложил в своем проекте декларации о

¹²⁴ Там же. С. 58.

¹²⁵ При публикации этой шифртелеграммы И.М. Майского слово «рождения» почему-то был заменен на слово «создания»

¹²⁶ Шифртелеграмма посла СССР в Великобритании И. М. Майского в НКВД СССР. 27 августа 1941 г. // АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 352. Д. 2404.Л. 96.

принципах текст третьего параграфа, в котором говорилось о том, что США и Великобритания «уважают право всех народов избирать себе форму правления, при которой они хотят жить. Они заинтересованы только в защите прав на свободу слова и мысли, без которых такой выбор будет лишь фикцией»¹²⁷. Эти слова только с большой натяжкой можно было отнести к колониям, сославшись, например, на слова «все народы». Однако окончательный вариант данного параграфа явно подразумевал колониальные народы: в нем декларировалось, что США и Великобритания «уважают право всех народов выбирать форму правления, при которой они хотят жить; и они желают видеть суверенные права и самоуправление восстановленными для всех, кто был насильственно лишен их»¹²⁸ (курсив мой. — В.Т.).

После первой беседы с Уинстоном Черчиллем Франклин Рузвельт не скрывал своего огорчения: его собеседник заявил, что стал премьер-министром Великобритании «не для того, чтобы присутствовать при ликвидации Британской империи». В ответ на это Рузвельт сказал, что «Америка не будет помогать Англии в этой войне только для того, чтобы дать ей возможность по-прежнему беспощадно подавлять колониальные народы»¹²⁹.

Премьер-министр Великобритании и члены возглавлявшегося им правительства легко приняли данный параграф Атлантической хартии, не догадываясь, какие последствия это будет иметь. Его подлинное значение стало им понятно только по окончании Второй мировой войны, когда народы Индии, Бирмы, Индонезии и других колоний начнут спрашивать, распространяется ли на них Атлантическая хартия.

Уинстону Черчиллю пришлось отвечать на этот вопрос и проявлять чудеса изворотливости, чтобы убедить своих противников в том, что судьба Британской империи в принятой им совместно с президентом США в августе 1941 года декларации о принципах никак не затрагивается. «Мы в первую очередь имели в виду, — говорил он, — восстановление суверенитета, самоуправления и национальной жизни государств и наций Европы, находящихся теперь под игом нацистов, а также необходимые принципы

¹²⁷ «Third, they respect the right of all peoples to choose the form of government under which they will live. They are only concerned to defend the rights of freedom of speech and thought, without which such choice must be illusory» (Churchill W.S. The Second World War. Vol. 3. P. 386).

¹²⁸ «Third, they respect the right of all peoples to choose the form of government under which they will live; and they wish to see sovereign rights and self-government restored to those who have been forcibly deprived of them» (United Nations Documents. 1941–1945. P. 10).

¹²⁹ Рузвельт Э. Его глазами. М., 1947. С. 41.

изменения их территориальных границ. Поэтому эта проблема ничем не связана с прогрессивной эволюцией органов самоуправления в районах и среди народов, являющихся подданными английской короны»¹³⁰.

Конфликт между тремя державами, составившими антигерманский военно-политический альянс, возникший в конце августа 1941 года, по поводу Атлантической хартии, не был случайным, он имел серьезные основания: СССР, Великобритания и США друг для друга являлись одновременно и союзниками, и врагами.

5

История межгосударственных отношений свидетельствует, что ведущие мировые державы, осознающие свою силу, могут стать союзниками только в исключительных условиях и лишь на короткий срок — до тех пор, пока обстоятельства, заставляющие их объединиться, не исчезнут. Интересы таких держав, если они действуют на одном и том же мировом пространстве, не могут не сталкиваться между собой, поэтому их союзнические отношения всегда несут в себе потенциал конфликта, и все время существует риск отказа кого-либо из союзников от выполнения взятых на себя обязательств по отношению к другим членам альянса¹³¹.

Формировавшийся с августа 1941 года альянс СССР, Великобритании и США скрепляло лишь стремление нанести военное поражение фашистской Германии. Эта цель считалась более важной, чем какие-либо другие, даже в Соединенных Штатах, находившихся в то время в состоянии нейтралитета. Но

¹³⁰ Цит. по: Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца. Том 1. С. 573.

¹³¹ Одним из наиболее ярких примеров таких союзнических отношений является созданный в 1700 г. альянс между тремя ведущими в то время европейскими державами, одну из которых воплощала Англия с Шотландией и Ирландией, другую — Швеция, третью — Нидерланды. Согласно союзному договору, заключенному между королем Англии, Шотландии и Ирландии Вильгельмом III, королем Швеции Карлом XII и Генеральными штатами Объединенных Нидерландов, упомянутые державы обещали «наилучшим образом защищать друг друга от любых нападений, оскорблений и притеснений со стороны врага, так что, как только возникнет какая-либо проблема. если один из союзников подвергся нападению, двое других должны поспешить на его защиту» (Treaty of Alliance between William III. King of Great Britain, Charles XII. King of Sweden, and the States General of the United Netherlands; with secret and separate Articles. Hague, January 11/23, A.D. 1700 // A Collection of all the treaties of peace, alliance, and commerce, between Great-Britain and other Powers from the Revolution in 1688, to the Present Time. Vol. 1. From 1688 to 1727. London, 1772. P. 27). Однако на протяжении 18 лет, пока действовал этот договор, стороны отказывались выполнять предусмотренные им взаимные обязательства и не оказывали друг другу военной помощи.

оказывая своим союзникам содействие в ее достижении, американский истеблишмент никогда не забывал о своем главном геополитическом интересе — создать условия, обеспечивающие США доминирующее положение на мировой арене. Американские правящие круги были уверены, что для этого необходимо не только разгромить Германию, но и превзойти в экономической и военной мощи Великобританию, СССР и Японию. Вторая мировая война рассматривалась с этой точки зрения как событие, способствующее быстрому ослаблению этих держав.

10 декабря 1940 года председатель американского Совета национальной промышленной конференции (National Industrial Conference Board) Вирджил Джордан, выступая на 29-ой ежегодном съезде Американской ассоциации банкиров инвесторов (Investment bankers association of America), заявил: «Мы должны понимать, однако, что даже победа в войне, совместно с Англией или в одиночку, является лишь частью задачи, которую Америка взялась осуществить в будущем. Каким бы ни был исход войны, Америка вступила на путь империализма в мировых делах и во всех других аспектах своей жизни, со всеми вытекающими из этого возможностями, ответственностью и опасностями. Эта война неизбежно повлечет за собой масштабную революцию в расстановке политических и экономических сил не только на международном уровне, но и внутри страны. Даже если с нашей помощью Англия выйдет из этой борьбы без поражений, она настолько обнищает экономически и подорвет свой престиж, что маловероятно, чтобы ей удалось восстановить или сохранить доминирующее положение в мировых делах, которое она так долго занимала. В лучшем случае Англия станет младшим партнером в новом англосаксонском империализме, в котором центром притяжения будут экономические ресурсы и военно-морская мощь Соединенных Штатов»¹³².

¹³² «We should realize, however, that even the job of winning the war, with England or alone, is only part of the task to which America has committed herself for the future. Whatever the outcome of the war, America has embarked upon a career of imperialism, both in world affairs and in every other aspect of her life, with all the opportunities, responsibilities and perils which that implies. This war inevitably involves a vast revolution in the balance of political and economic power, not only internationally but internally. Even though, by our aid, England should emerge from this struggle without defeat, she will be so impoverished economically and crippled in prestige that it is improbable she will be able to resume or maintain the dominant position in world affairs which she has occupied so long. At best, England will become a junior partner in a new Anglo-Saxon imperialism, in which the economic resources and the military and naval strength of the United States will be the center of gravity» (Address of Virgil Jordan. 10 December of

Принятая Франклином Рузвельтом и Уинстоном Черчиллем 12 августа 1941 года совместная декларация об общих принципах их внешней политики — так называемая Атлантическая хартия — стала первым публичным документом, зафиксировавшим доминирующее положение США над Великобританией. Но в Европе и Азии оставались другие сильные державы. И все они воспринимались американским правящим слоем как угроза для США. «Если какая-либо держава будет доминировать в Азии, Европе и Африке, наша страна в конечном счете станет державой второго сорта, даже если мы завоюем Южную Америку и всю Северную Америку целиком»¹³³ — такую запись сделал в своем дневнике 12 сентября 1941 года помощник начальника разведки Генерального штаба американской армии подполковник Пол Робинетт.

Очевидно, что, поддерживая Советский Союз в войне с Германией и ее сателлитами, правящие круги США не желали усиления нашей страны в результате победы в Великой Отечественной войне и принимали все возможные меры, чтобы не допустить этого.

Подобную политику по отношению к СССР проводила и Великобритания. Советское руководство вполне сознавало это. 30 августа 1941 года Сталин написал в Лондон послу Майскому: «То обстоятельство, что Англия аплодирует нам, а немцев ругает последними словами, — нисколько не меняет дела. Понимают ли это англичане? Я думаю, что понимают. Чего же хотят они? Они хотят, кажется, нашего ослабления. Если это предположение правильно, нам надо быть осторожными в отношении англичан»¹³⁴. Сталина особенно настораживали факты, во-первых, переброски во второй половине августа 1941 года 30 немецких дивизий с западного фронта на восточный — против СССР и, во-вторых, вступления в бой против Красной Армии новых 20 дивизий финнов и 22 дивизий румын. «Теперь против нас стоит на фронте более 300 дивизий», — сообщал Сталин Майскому, подчеркивая при этом: «Примечательно, что немцы игнорируют английскую опасность на западе и считают ее блефом.

1940 // The Commercial and Financial Chronicle. 1940. Vol. 151. New York, December 21, 1940. P. 3612).

¹³³ «If any one power dominates Asia, Europe and Africa, our country will ultimately become a second class power even if we gain South America and the whole of North America» (Цит. по: *Stoler M.A. Allies and adversaries: the Joint Chiefs of Staff, the Grand Alliance, and U.S. strategy in World War II. Chapel Hill and London, 2000. P. 50*).

¹³⁴ Шифртелеграмма И. В. Сталина послу СССР в Великобритании И. М. Майскому. 30 августа 1941 г. // Архив внешней политики Российской Федерации (далее: АПВ РФ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 59. Л. 34.

Потому-то они так уверенно и безнаказанно снимают с запада все сколько-нибудь годные дивизии. Откуда у немцев такая уверенность в пассивности англичан?»¹³⁵.

Посол Майский в ответной шифртелеграмме, отправленной в Москву вечером 30 августа, подтвердил мнение Сталина о коварстве Великобритании по отношению к своему союзнику. «Желание ослабить нас — тенденция, которая несомненно имеется во влиятельных кругах консервативной партии»¹³⁶, — констатировал посол. Он сообщил, что в правительственных кругах Великобритании сложилась неподходящая обстановка для создания второго фронта, объяснив это распространенным в Лондоне гипнозом «германской непобедимости на суше», чувством самоуспокоения, так как русские дерутся хорошо, и, наконец, «малой подготовленностью англичан к десантным операциям крупного масштаба»¹³⁷.

30 августа 1941 года И.В. Сталин получил очередное послание от Черчилля. Премьер-министр сообщил о намерении ускорить поставку в СССР двухсот самолетов и об успешной советско-британской операции в Иране. «Не могу не выразить вновь восхищения британского народа великолепной борьбой русских армий и русского народа против нацистских преступников», — восклицал он.

Сталин впервые после 18 июля решил ответить на послание Черчилля и 3 сентября 1941 года направил ему довольно резкое по содержанию письмо. Поблагодарив британского премьер-министра за планируемую поставку самолетов, он сообщил, что германское руководство в последние недели перебросило на восточный фронт более 30 свежих немецких пехотных дивизий и громадное количество танков и самолетов, а также дополнительно 46 финских и румынских дивизий. «Немцы считают опасность на Западе блефом и безнаказанно перебрасывают с Запада все свои силы на Восток, будучи убеждены, что никакого второго фронта на Западе нет и не будет»¹³⁸, — упрекнул советский руководитель Черчилля.

¹³⁵ Там же. Л. 35.

¹³⁶ Шифртелеграмма посла СССР в Великобритании И. М. Майского И. В. Сталину. 30 августа 1941 г. // АПВ РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 365. Д. 2486. Л. 148.

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Личное послание премьера Сталина премьеру г-ну Черчиллю. 3 сентября 1941 г. // Переписка Председателя Совета Министров СССР И. В. Сталина с Президентом США Ф. Рузвельтом, Президентом США Г. Трумэнном, с Премьер-Министром Великобритании У. Черчиллем и Премьер-Министром Великобритании К. Эттли в годы Великой

Говоря о последствиях пассивно-выжидательной позиции британского правительства в войне с фашистской Германией, Сталин указал, что германские войска заняли больше половины Украины и подступили к Ленинграду. Эти обстоятельства, пояснил он, повлекли за собой потерю Криворожского железорудного бассейна и ряда металлургических предприятий, а также заставили эвакуировать два алюминиевых, три моторных и четыре самолетных заводов. На новых же местах эти заводы могут быть введены в действие не ранее чем через семь-восемь месяцев. «Все это, — констатировал Сталин, — привело к ослаблению нашей обороноспособности и поставило Советский Союз перед смертельной угрозой»¹³⁹.

Для выхода из такого «более чем неблагоприятного», по его словам, положения Сталин предложил Черчиллю «создать уже в этом году второй фронт где-либо на Балканах или во Франции, могущий оттянуть с восточного фронта 30—40 немецких дивизий, и одновременно обеспечить Советскому Союзу 30 тысяч тонн алюминия к началу октября с. г. и ежемесячную минимальную помощь в количестве 400 самолетов и 500 танков (малых или средних)»¹⁴⁰.

Днем 4 сентября А.Я. Вышинский вручил текст этого послания Сталина Черчиллю британскому послу. Криппс отреагировал на его содержание весьма эмоционально. Возвратившись в свое посольство, он записал в дневник: «Я только что виделся с Вышинским, и тот передал мне ответ Сталина на последнее послание Премьер-Министра. Это чрезвычайно серьезный документ, и он меня расстроил. Последние три недели были крайне тяжелыми для русских войск, но хуже всего то, что хаос охватил их производственную сферу... Они не смогут продержаться до зимы. Это то самое, чего я больше всего боялся. Но хуже всего то, что мы фактически ничего не сделали, чтобы помочь им выдержать этот натиск. Если сейчас Россия падет, мы лишимся последней надежды на победу, так как я всегда считал, что это единственный фронт, на котором немцы могли быть разбиты»¹⁴¹. В тот же день Криппс направил в Лондон телеграмму, в

Отечественной войны. Т. 1. Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли (июль 1941 г. - ноябрь 1945 г.). М., 1958. С. 19.

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ Из дневника и писем посла Великобритании в СССР в 1941–1942 гг. С. Криппса // Новая и новейшая история. 1991. № 3. С. 129. И.М. Майский, описывая в своем дневнике встречу Криппса с Вышинским, привел весьма интересные факты. Согласно его рассказу, «Выш[инский] вручил Криппсу копию послан[ия] Ст[алина] Черчиллю. Через 154 ч[аса]

которой сообщил, что в последнем письме Сталина нет преувеличения¹⁴². «Если сейчас, в последний момент, мы не предпримем сверхчеловеческих усилий, — заявил британский посол, — мы утратим всю ценность русского фронта для нас, — во всяком случае, на долгое время, а возможно, и навсегда. К сожалению, мы рассматривали войну в России как не имеющую к нам прямого отношения, а просто как войну, в которой мы хотели помочь любым возможным способом, не подвергая излишней опасности наше собственное положение»¹⁴³.

Поздним вечером 4 сентября посол Майский передал поразившее Крипса письмо Сталина Уинстону Черчиллю и Энтони Идену. После того, как премьер-министр прочитал его, начался разговор о советско-британских отношениях, во время которого советский посол сказал: «СССР и Англия — союзники, они ведут общую войну против общего врага. Казалось бы, это предполагает наличие общего стратегического плана войны (хотя бы в основных очертаниях). А есть ли у них такой план? Нет, его нет. Мы не знаем, как англичане собираются разгромить Гитлера, англичане не знают, как мы это себе представляем. Никаких военных переговоров между штабами нет. Нет даже намека на серьезную военную кооперацию. Это ненормально»¹⁴⁴.

Черчилль ответил Сталину 5 сентября. Его послание было получено в Кремле на следующий день¹⁴⁵. Премьер-министр сообщил, что «в настоящее

Кр[ипс] вновь явился к В[ышинскому] и сообщил, что, ознакомившись с посл[анием], решил немедленно с Мак-Фарл[аном] вылететь в Англ[ию], чтобы обесп[ечить] исполн[ение] мероприятий, указанных в посл[ании] Ст[алина]. (Лондон позднее запретил Кр[ипсу] покидать М[оскву])» (Майский И.М. Дневник дипломата. Лондон. 1934 — 1943. Кн. 2. Ч. 2: 22 июня 1941 — 1943 год. М., 2009. С. 49.

¹⁴² Британский посол правильно оценил письмо Сталина — оно было искренним: Сталин действительно в то время считал, что последние события на фронте поставили Советский Союз перед смертельной угрозой. В фонде И.В. Сталина в Российском архиве социально-политической истории хранится его шифртелеграмма, направленная в Лондон Майскому 30 августа 1941 г. В конце ее Сталин сообщает нашему послу: «Говоря между нами, должен сказать Вам откровенно, что если не будет создан англичанами второй фронт в Европе в ближайшие три-четыре недели, мы и наши союзники можем проиграть дело. Это печально, но это может стать фактом» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 59. Л. 36).

¹⁴³ «Unless now at the last moment we could make a “superhuman effort”, we should lose the whole value of any Russian front, at any rate for a long time, and possibly for good. We had unfortunately considered the Russian war as no direct responsibility of ours, but merely as a war we wanted to help in any way we could without unduly endangering our own position» (Цит. по: Woodward L. British Foreign Policy in the Second World War. Vol. 2. London, 1971. P. 31).

¹⁴⁴ Майский И.М. Указ. соч. С. 44.

¹⁴⁵ См.: Шифртелеграмма посла СССР в Великобритании И. М. Майского И. В. Сталину с текстом личного послания премьер-министра Великобритании У. Черчилля. 5 сентября 1941 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 255. Л. 87–89.

время нет никакой возможности осуществить такую британскую акцию на Западе (кроме акции в воздухе), которая позволила бы до зимы отвлечь германские силы с восточного фронта» и что «нет также никакой возможности создать второй фронт на Балканах без помощи Турции»¹⁴⁶. В конце письма он выразил готовность выработать совместные планы со Сталиным и пообещал оказать всяческое давление на Финляндию, включая немедленное официальное уведомление ее, что Великобритания объявит ей войну, если она пойдет дальше своих старых границ.

* * *

Вступив в союзнические отношения с Великобританией и США, СССР столкнулся с дипломатией особого рода, в которой союзник рассматривался не только как соратник по борьбе с общим врагом, но одновременно и как соперник — если не в настоящем, то в будущем мироустройстве. В такой дипломатии было принято утаивать от союзника даже ближайшие планы и держать от него в строгом секрете все, что могло раскрыть настоящее состояние своей экономики и армии, и главное — не связывать себя с ним какими-либо международно-правовыми обязательствами. В такой дипломатии помощь союзнику оказывалась не для его поддержки, защиты или спасения, но исключительно для собственной выгоды. И американское руководство, и британское правительство именно так понимали свои союзнические отношения с Советским государством.

Сталин советовал послу Майскому проявлять осторожность по отношению к англичанам, но очевидно, что одного этого качества было мало. В таких условиях от руководителей советского внешнеполитического ведомства и советских послов требовалось дипломатическое искусство высочайшего уровня.

Между тем ни нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов, ни его заместители А.Я. Вышинский, С.А. Лозовский¹⁴⁷ и В.Г. Деканозов¹⁴⁸ не являлись

¹⁴⁶ У. Черчилль И.В. Сталину. Получено 6 сентября 1941 г. // Та же. С. 20.

¹⁴⁷ Соломон Абрамович Лозовский (наст. фамилия Дридзо) (1878–1952) являлся партийным и профсоюзным деятелем (в 1921–1937 гг. был генеральным секретарем Профинтерна). До назначения заместителем наркома иностранных дел СССР (15 мая 1939 г.) занимал должность директора Гослитиздата.

¹⁴⁸ Владимир Георгиевич Деканозов (наст. фамилия Деканозишвили) (1898–1953) до назначения на пост заместителя наркома иностранных дел СССР (3 мая 1939 г.) являлся заместителем начальника Главного управления государственной безопасности НКВД СССР. 24 ноября 1940 г. был назначен послом СССР в Германии, но остался заместителем наркома иностранных дел.

профессиональными дипломатами. И в аппарате советского внешнеполитического ведомства, на который они опирались в своей деятельности, квалифицированных работников было мало. Репрессии 1936–1939 годов не обошли стороной Наркомат иностранных дел: значительная часть его сотрудников была уволена, арестована, осуждена. Их места заняли люди, не имевшие опыта дипломатической службы и чаще всего даже не знавшие иностранных языков, но зато идеологически надежные. Ими были, как правило, преподаватели идеологических дисциплин в вузах и выпускники партийных школ. Не хватало дипломатов-профессионалов и в советских посольствах¹⁴⁹. Такие специалисты, как И.М. Майский, представлявший нашу страну в Великобритании, являлись редким исключением.

А.Я. Вышинский к моменту нападения фашистской Германии на Советский Союз пребывал на посту первого заместителя наркома иностранных дел менее десяти месяцев, но именно ему вместе с наркомом Молотовым и послом Майским пришлось в первые месяцы войны нести на себе основное бремя налаживания союзнических отношений нашей страны с Великобританией. И действия руководителей советского внешнеполитического ведомства в этом направлении были весьма успешными. Проблемы, которые возникали в процессе формирования военно-политического альянса СССР с Великобританией, чаще всего были связаны с эгоистической позицией британского правительства, с его нежеланием брать на себя соответствовавшие характеру данного межгосударственного союза обязательства.

Это признавал посол Великобритании в СССР Стаффорд Криппс. 1 июля 1941 года он записал в своем дневнике: «Я вижу Молотова, Вышинского и Микояна почти каждый день, и можно сказать, что мы уже достигли взаимопонимания по вопросу сотрудничества. К сожалению, готовность к этому правительства его величества в данный момент вызывает сомнения! Они

¹⁴⁹ 3 января 1939 г. тогдашний нарком иностранных дел СССР М.М. Литвинов писал Сталину в секретном донесении: «До сих пор вакантны места полпредов в 9 столицах, а именно: в Вашингтоне, Токио, Варшаве, Бухаресте, Барселоне, Ковно, Копенгагене, Будапеште и Софии... Не лучше обстоит дело с советниками и секретарями полпредств. Имеется свободных вакансий: советников — 9, секретарей — 22, консулов и вице-консулов — 30 и других политических работников полпредств (заведующих отделами печати, атташе и секретарей консульств) — 46.» (Документы внешней политики. 1939. Том 22. Кн. 1. 1 января -31 августа 1939 г. М., 1992). 19 марта 1940 г. правительство Франции заявило, что не считает советского посла Я.З. Сурица «персоной грата». Правительство СССР вынуждено было освободить его от обязанностей полпреда, однако вместо него никого не назначило. Так и во Франции советское представительство лишилось посла.

хотят получить все преимущества такого сотрудничества, не давая ничего взамен»¹⁵⁰. 30 октября 1941 года, когда прошло уже четыре месяца переговоров о сотрудничестве Великобритании и СССР в борьбе с фашистской Германией, определились основные контуры военно-политического альянса двух стран и степень участия в нем США, когда, следовательно, можно было подводить первые итоги внешнеполитической деятельности британского правительства в этом направлении, С. Криппс написал У. Черчиллю письмо, в котором весьма критически оценил политику Великобритании по отношению к Советскому государству: «Похоже мы пытаемся вести две мало связанные друг с другом войны, что весьма благоприятно для Гитлера. Думаю, что гораздо разумнее было бы вести боевые действия на основе единого плана. Больше всего меня беспокоят проблемы, связанные необходимостью вести совместные действия против Гитлера. В настоящий момент мы имеем союзника с обширными, но истощающими ресурсами. Русские уничтожают немцев в колоссальных количествах, и я крайне заинтересован в том, чтобы наша политика не разочаровала их. Мне кажется, что мы относимся к Советскому правительству с недоверием, а русских воспринимаем не как верных союзников, а как младших партнеров»¹⁵¹.

Отсутствие у руководителей Наркомата иностранных дел СССР опыта выстраивания союзнических отношений с ведущими мировыми державами не позволяло им адекватно и спокойно воспринимать предпринимавшиеся время от времени правительствами Великобритании и США внешнеполитические акции, которые явно не соответствовали духу военно-политического альянса. Но надо признать, что в условиях, когда Советское государство вело жестокую борьбу за свое выживание с противником, который обладал огромным превосходством в экономическом потенциале, в военной мощи и в численности населения, его руководители быстро учились исправлять свои ошибки и извлекать из не соответствовавших союзническим отношениям внешнеполитических действий американского и британского правительств весьма полезные для международного правопорядка результаты.

Как уже отмечалось выше, советские руководители были невероятно раздражены и возмущены фактом принятия 12 августа 1941 года президентом США и премьер-министром Великобритании Атлантической хартии —

¹⁵⁰ Из дневника и писем посла Великобритании в СССР в 1941–1942 гг. С. Криппса. С. 120.

¹⁵¹ Из дневника и писем посла Великобритании в СССР в 1941–1942 гг. С. Криппса // Новая и новейшая история. 1991. № 3. С. 137–138.

совместной декларации об общих принципах американской и британской внешней политики¹⁵². Не возражая против принципов, утверждаемых декларацией, Сталин и руководители Наркомата иностранных дел СССР усмотрели в этой внешнеполитической акции стремление Великобритании и США превратить Советское государство в безгласное приложение к ним. Недовольство руководства Наркомата иностранных дел СССР вызвало и назначение союзниками на 27 августа без консультаций с советской стороной межсоюзнической конференции в Лондоне. Неудивительно, что движимый эмоциями, Молотов вначале хотел отказаться присоединиться к Атлантической хартии и участвовать в данной конференции.

Однако здравый смысл возобладал в советском руководстве, и было принято решение все же присоединиться к Атлантической хартии, придав ей при этом значение международно-правового документа. Межсоюзническая конференция в Лондоне, назначенная сначала на 27 августа 1941 года, была перенесена почти на месяц — на 24 сентября.

Общие принципы, изложенные в Атлантической хартии, мыслились руководителями Великобритании и США не в качестве основополагающих норм послевоенного международного правопорядка, а всего лишь как идеи, призванные объединить под своим знаменем все страны, вступавшие в борьбу против германского и японского фашизма. В своей речи об Атлантической хартии, произнесенной по радио 24 августа 1941 года Черчилль подчеркивал, что «она символизирует в форме и манере, которые понятны любому жителю любой страны в любой части света, глубокое базовое единство, которое движет и в решающие моменты направляет англоговорящие народы во всем мире»¹⁵³. При этом британский премьер-министр признавал, что ни он, ни президент США не ставили задачу сформулировать конечные и официальные цели мирного урегулирования или ведения войны, но считали необходимым «даровать всем народам, в особенности угнетаемым и завоеванным, простую и приблизительную, рассчитанную на военное время декларацию целей, к которым предполагают стремиться Британское Содружество и Соединенные Штаты, пролагая таким образом путь для других, чтобы идти вместе с ними по дороге, которая, безусловно, будет трудной, а может быть, и долгой»¹⁵⁴.

¹⁵² Об этом см. предыдущую статью (Законодательство. 2025. № 7).

¹⁵³ Never Give in! The Best of Winston Churchill's Speeches. Selected and edited by his grandson. London, 2004. P. 298.

¹⁵⁴ Ibid. P. 300–301.

24 сентября 1941 года представители СССР, Бельгии, Чехословакии, Греции, Люксембурга, Нидерландов, Норвегии, Польши, Югославии и свободной Франции собрались в Сэнт-Джеймском дворце в Лондоне, чтобы заявить о своей приверженности общим принципам политики, изложенным в Атлантической хартии.

В книгах и статьях, посвященных формированию «великого альянса» осенью 1941 года, о данной конференции, как правило, почему-то умалчивается. А между тем это был весьма поучительный урок для нашего государства.

Представлявший Советский Союз посол И.М. Майский огласил декларацию советского правительства о присоединении к Атлантической хартии и о принципах, которым СССР считает себя приверженным. В декларации констатировалось, что советский народ несет на своих плечах «всю основную тяжесть борьбы против кровавого агрессора, угрожающего социальным и политическим завоеваниям свободолюбивых народов, угрожающего самым основам культуры и цивилизации»¹⁵⁵, что «в этой войне, навязанной гитлеровским фашизмом демократическим странам, решаются судьбы Европы и всего человечества на многие десятилетия». «Нельзя допустить, — заявлялось далее, — чтобы судьбам мирных и свободолюбивых народов угрожало иго нацизма, чтобы шайка вооруженных до зубов гитлеровских разбойников, возомнивших и объявивших себя высшей расой, безнаказанно громила города и села, опустошала земли, истребляла многие тысячи и сотни тысяч мирных людей во имя осуществления бредовой идеи господства гитлеровской банды над всем миром»¹⁵⁶.

Указав, что главной задачей всех народов и всех государств, вынужденных вести навязанную им войну против гитлеровской Германии и ее союзников, является в настоящее время достижение скорейшего и решительного разгрома агрессоров, советское правительство объявляло, что перед странами, ведущими борьбу против фашизма, «стоит также чрезвычайно важная задача **определить пути и средства для организации международных отношений и послевоенного устройства мира** в целях избавления наших народов и наших будущих поколений от несовместимого с человеческой культурой преступного,

¹⁵⁵ Межсоюзная конференция в Лондоне. Декларация правительства СССР // Правда. 1941. № 267 (8675). 26 сентября. С. 4.

¹⁵⁶ Там же.

кровавого нацизма»¹⁵⁷ (выделено мной. – В.Т). В декларации советского правительства отмечалось также, что СССР исходит в своей политике из принципа, в основе которого лежит признание суверенности и равноправия наций, и поэтому «отстаивает право каждого народа на государственную независимость и территориальную неприкосновенность своей страны, право устанавливать такой общественный строй и избирать такую форму правления, какие он считает целесообразными и необходимыми в целях обеспечения экономического и культурного процветания своей страны»¹⁵⁸.

Эти заявления показывали, что Советское государство намеревалось играть активную роль в устройстве будущего международного правопорядка. Документ, получивший название Атлантической хартии, приобрел вследствие этого значение, которое далеко выходило за рамки замыслов и планов его творцов.

Придание советским правительством Атлантической хартии значение международно-правового документа нарушало замыслы американского и британского правительств. Поэтому в окончательный вариант резолюции межсоюзнической конференции в Лондоне главные идеи декларации советского правительства не были включены.

По предложению Энтони Идена данная резолюция голосовалась путем личного опроса представителей каждой страны. Принятая единогласно, она была удивительно бессмысленной, мелочной, не соответствовавшей условиям жестокой мировой войны. В ее первых двух пунктах, считавшихся самыми важными, утверждалось что «общая цель союзников заключается в том, чтобы обеспечить после войны снабжение продовольствием, сырьем и предметами первой необходимости страны, освобожденные от нацистского гнета», что «хотя правительства и власти союзных стран будут в первую очередь ответственны за обеспечение экономических нужд своих народов, их планы должны быть координированы в духе межсоюзного сотрудничества для успешного достижения общей цели»¹⁵⁹. В третьем пункте говорилось о том, что участники конференции «одобряют подготовительные меры», принятые с этой целью, и

¹⁵⁷ Там же.

¹⁵⁸ Там же.

¹⁵⁹ Межсоюзная конференция в Лондоне. Резолюция о практических мероприятиях по обеспечению нужд европейских стран после поражения гитлеровской Германии. 24 сентября 1941 г. // Правда. 1941. № 267 (8675). 26 сентября. С. 4.

«выражают готовность сотрудничать в меру своих сил, чтобы продолжать необходимые действия». Четвертый пункт призывал правительства союзных стран «рассчитать количество и виды продовольствия, сырья и предметов первой необходимости, которые им потребуются, и установить последовательность, с которой они желали бы, чтобы поставки им производились». Пятый пункт рекомендовал разработать в возможно короткий срок соответствующие планы использования после войны ресурсов судоходства.

И наконец, шестым пунктом резолюции правительству Великобритании поручалось создать бюро, с которым будут сотрудничать правительства и власти союзных стран для определения своих потребностей.

Представитель СССР И.М. Майский в своем выступлении по поводу данной резолюции сообщил, что советское правительство согласно со всеми ее пунктами, за исключением последнего. Не возражая против принципа, лежащего в основе этого пункта, советское правительство считает весьма существенным, чтобы предусмотренное в нем бюро носило межсоюзный характер и было построено на основе равного представительства всех заинтересованных правительств.

Таким образом, резолюция лондонской межсоюзнической конференции, хотя и была посвящена решению проблем послевоенного времени, главную из этих проблем — *основания будущего международного права и устройство соответствующего ему международного правопорядка* — даже не затрагивала.

Выраженный в декларации советского правительства призыв определить пути и средства для организации такого послевоенного устройства мира, который избавил бы народы Земли и будущие поколения «от несовместимого с человеческой культурой преступного, кровавого нацизма» прозвучал в Лондоне как голос одинокого человека в пустыне.

6

30 сентября 1941 года верховное командование германского вермахта начало операцию под кодовым названием «Тайфун», имевшую своей главной целью захват к середине ноября столицы нашей страны. В Москве в это время проходило совещание представителей Советского Союза, Великобритании и США, ставшее важнейшей ступенью к созданию военно-политической коалиции этих держав — так называемого «великого альянса».

В течение четырех дней — с 28 сентября по 1 октября 1941 года — министр снабжения в британском правительстве лорд Бивербрук (*Уильям Максвелл*

Эйткен) и спецпредставитель президента США Уильям Гарриман обсуждали с Молотовым и Сталиным тему поставки в СССР из США и Великобритании вооружений и важнейших материалов для обеспечения ведения войны с Германией.

В ходе конференции затрагивался и вопрос о перспективах дальнейшего развития взаимоотношений трех держав, происходил обмен мнениями о состоянии нейтралитете, в котором пребывали США, давались оценки внешней политике Японии, Турции, Финляндии. Содержание бесед Сталина с представителями Рузвельта и Черчилля, отраженное как в официальных записях и меморандумах, так и в мемуарах Гарримана и лорда Бивербрука, показывает, как постепенно формировались контуры союзнических отношений между державами, которые по многим обстоятельствам и причинам, вследствие противоположности государственных интересов, были обречены, казалось бы, только на соперничество друг с другом.

Первый заместитель наркома иностранных дел СССР А.Я. Вышинский не принимал непосредственного участия в переговорах Сталина с Гарриманом и лордом Бивербруком, но играл весьма значимую роль в подготовке решений Московской конференции трех держав.

* * *

Предлагая в середине августа 1941 года в совместном письме Сталину идею проведения такой конференции, Франклин Рузвельт и Уинстон Черчилль высказали мнение о том, что она необходима лишь для того, чтобы руководители трех держав «смогли принять быстрые решения» по вопросу о распределении их общих ресурсов в целях максимального содействия общим усилиям в войне с Германией. Но Сталин, согласившись принять в Москве высокопоставленных представителей президента США и премьер-министра Великобритании, использовал эту конференцию не только для решения вопроса о поставках в СССР вооружений и материалов, но и как попытку еще раз убедить Рузвельта и Черчилля через посредство их доверенных лиц в необходимости создания долговременного, рассчитанного и на послевоенный период, военно-политического союза трех держав.

Прежде, чем отправиться в Москву, американская и британская делегации в течение шести дней согласовывали по телеграфу список вооружений и материалов, которые они могли бы предложить для поставки в СССР. Затем американские представители вместе с послом Уманским отправились самолетом прямо в Москву, тогда как английская делегация во главе с лордом

Бивербруком и присоединившийся к нему Уильям Гарриман поплыли из Лондона в Архангельск на крейсере. Днем 27 сентября 1941 года английский корабль бросил якорь в устье Двины. Пересев, на советский эсминец, лорд Бивербрук и Гарриман доплыли до Архангельска. На борту эсминца их встретил нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов. 28 сентября все прибывшие из Англии в Архангельск полетели на четырех транспортных самолетах «Douglas DC-3» в Москву. На московском аэродроме их встретил первый заместитель иностранных дел СССР А.Я. Вышинский. Это была не только протокольная встреча: Андрей Януарьевич входил в состав представителей от Советского государства, назначенных для работы с американской и британской делегациями.

Официальное открытие конференции было намечено на 13 часов 29 сентября 1941 года. Но первая беседа представителей Рузвельта и Черчилля со Сталиным состоялась уже вечером 28 сентября. К 9 часам вечера, в полной темноте, Гарриман и лорд Бивербрук в сопровождении послов своих стран подъехали к воротам Кремля. После того, как охранники, осветив их лицо фонариком, удостоверились, кто они такие, их проводили в кабинет советского вождя. Посол США Л. Штейнгардт представил Сталину Гарримана, а посол Великобритании С. Криппс – лорда Бивербрука.

Как только послы покинули кабинет, началась беседа. Она проходила в присутствии Молотова, который все время молчал, и бывшего наркомом иностранных дел СССР М.М. Литвинова, который выступал как переводчик¹⁶⁰. Уильям Гарриман вспоминал впоследствии: «Первая встреча была отмечена значительной откровенностью со стороны Сталина. Он подробно описал тактическую ситуацию, не пытаясь скрыть очевидный факт, что она была критической. Сталин подчеркнул жизненную важность удержания Москвы любой ценой. Хотя он был готов при необходимости продолжать оборонительную войну из-за Уральских гор, он признавал, что потеря Москвы, нервного центра всех советских операций, серьезно затруднит любые наступательные действия в будущем. Гитлер совершил грубую ошибку, напад

¹⁶⁰ Переводчиком бесед Сталина с представителями президента США и премьер-министра Великобритании был сначала назначен посол СССР в США К.А. Уманский, но, узнав об этом, Гарриман и лорд Бивербрук попросили Молотова через посредничество английского посла в Москве Стаффорда Криппса, заменить Уманского на М.М. Литвинова, которому они, по их словам, «имели доверие».

на русских на трех фронтах, добавил Сталин. Если бы он сосредоточил свое наступление на Москве, город, несомненно, пал бы»¹⁶¹.

Рассказывая о ходе войны, Сталин отметил, что немецкая пехота слабее русской, но в количестве танков и самолетов Германия имеет большое превосходство. Советскому Союзу необходимо производить ежемесячно 2 500 танков, сказал он далее, но пока наша страна может выпускать лишь 1 400 танков в месяц. И хотя не хватает 1 100 танков, он был бы удовлетворен, если бы США и Великобритания поставляли хотя бы 500 в месяц, чтобы избежать обвинения в том, что Советский Союз запрашивает астрономическое количество. Так разговор подошел к главной теме конференции.

На этой предварительной встрече была достигнута договоренность о создании шести трехсторонних подкомиссий: 1) по авиации, 2) по армии и военному снаряжению, 3) по военно-морскому флоту, 4) по транспорту, 5) по сырьевым материалам и оборудованию и 6) медицинской помощи и Красному Кресту. Координация деятельности советских представителей в рамках этих комиссий была возложена на А.Я. Вышинского.

В гостиницу «Националь», в которой разместились американская и британская делегации, Гарриман и лорд Бивербрук вернулись уже за полночь.

29 сентября в 19 часов они снова были приняты Сталиным для беседы. На этот раз встреча длилась два часа. Ее запись, опубликованная в сборнике документов по внешней политике СССР ¹⁶², не отражает всего содержания разговора. Из нее следует, что стороны обсуждали только вопрос о поставке Советскому Союзу тех или иных вооружений и материалов. Меморандумы об этой встрече, составленные Гарриманом и лордом Бивербруком, показывают, что Сталин говорил им и о своих тревогах по поводу дальнейшего развития союзнических взаимоотношений трех держав и довольно резко высказывался о политике руководства США и Великобритании. Гарриман вспоминал: «У меня сложилось впечатление, что Сталин был очень недоволен тем, что мы предлагали. Казалось, он сомневался в нашей добросовестности. Он, по-видимому, предполагал, что мы хотим, чтобы советский режим был уничтожен

¹⁶¹ Цит. по: *Harriman W.A. and Abel E. Special Envoy to Churchill and Stalin, 1941-1946. New York, 1975. P. 87.*

¹⁶² Запись беседы председателя Совета Народных Комиссаров СССР И.В. Сталина с главами делегаций Великобритании лордом У. Бивербруком и США А. Гарриманом на Московской конференции представителей трех держав. 29 сентября 1941 г. // Документы внешней политики. 22 июня 1941 – 1 января 1942 г. Т. 24. М., 2000. С. 332–336.

Гитлером; в противном случае мы предложили бы больше помощи. Он очень откровенно выразил это свое подозрение»¹⁶³. Лорд Бивербрук в своем донесении премьер-министру Великобритании об этой встрече отметил: «Сталин был очень беспокойным, постоянно ходил по комнате и курил, и нам обоим казалось, что он находится в сильном напряжении»¹⁶⁴.

Странное для Гарримана и Бивербрука раздражение Сталина было, скорее всего, вызвано плохими вестями с линии фронта. Как бы то ни было, для окончательного согласования всех вопросов поставки в Советский Союз вооружения и материалов понадобилась еще одна встреча представителей Рузвельта и Черчилля со Сталиным. Она состоялась вечером 30 сентября.

Утром в этот день из Лондона в Москву поступило агентурное донесение с текстом директивы для переговоров со Сталиным, составленной лично Уинстоном Черчиллем и переданной лорду Бивербруку накануне его отъезда на Московскую конференцию¹⁶⁵. Эта директива предоставляла главе английской делегации правомочие «по своему усмотрению определить и предложить России на Московской конференции необходимое количество другого снаряжения и материалов», заверив при этом Сталина о том, что с 1 июля 1942 года по 30 июня 1943 года квоты на поставку военной продукции будут увеличены, поскольку «выпуск английской военной промышленности достигнет своей наивысшей точки в продолжении этого периода, а выпуск продукции американской военной промышленности — на третьем году ее развития»¹⁶⁶. Далее в директиве говорилось: «Русским должно быть предложено предоставить сведения о[б] имеющихся у них резервах, в соответствии с различными тыловыми линиями, которые они надеются удержать»¹⁶⁷.

На вопрос Сталина об открытии англичанами и американцами второго фронта директива предписывала лорду Бивербруку ответить следующим образом: «Конференция должна работать, исходя из того положения, что США

¹⁶³ Цит. по: *Harriman W.A. and Abel E. Special Envoy to Churchill and Stalin, 1941-1946*. P. 89.

¹⁶⁴ Цит. по: *Ibidem*.

¹⁶⁵ Заметки на первой странице шифртелеграммы из Лондона с текстом директивы показывают, что она была составлена 29 сентября 1941 г., в Москве получена 30 сентября в 6.00, а расшифрована в 10.36.

¹⁶⁶ Спецсообщение начальника Разведывательного управления НКВД СССР П.М. Фитина И. В. Сталину, В. М. Молотову, Л. П. Берии и В. Н. Меркулову о содержании генеральной директивы для английской делегации на Московской конференции, составленное по агентурному сообщению из Лондона. 30 сентября 1941 г. // Архив Службы внешней разведки. Л. 229–230.

¹⁶⁷ Там же. Л. 230.

не являются воюющей страной. Людские ресурсы Великобритании сейчас полностью использованы, хотя дальнейший спрос на них, начиная с 1942 года, будет возрастать. Мы обязаны кормить себя, путем содержания в постоянном движении обширного коммерческого флота. Мы должны защищать британские острова от вторжения, для которого противник в любое время может собрать превосходящую по численности армию»¹⁶⁸. Директива позволяла лорду Бивербруку дать Сталину обещание открыть второй фронт на материке весной следующего года, но с оговоркой: «если это будет возможно сделать»¹⁶⁹.

Самым интересным в рассматриваемой директиве Черчилля был предложенный им вариант ответа на возможный вопрос, как же Великобритания намеревается выиграть войну без открытия широкого сухопутного фронта против германского вермахта. На этот вопрос, указал британский премьер-министра, должен быть дан следующий ответ: «Продолжая сражаться до тех пор, пока национал-социалистическая система не развалится так же, как это случилось в кайзеровской системой в прошлую войну. Для этой цели мы будем сражаться с врагами везде, где только можем встретить его в благоприятных условиях. Мы будем подрывать их пропаганду, душить блокадой, неустанно и беспощадно бомбить»¹⁷⁰.

Черчилль, как будто не понимал, что нацистские режимы не рушатся изнутри, а бомбежки городов, массовые убийства гражданского населения эти режимы только укрепляют, дают повод нацистским властителям для ужесточения репрессий против оппозиции и просто недовольных.

В конце своего донесения с текстом директивы начальник разведывательного управления НКВД СССР приписал: «19 сентября эти инструкции была рассмотрена и утверждена комитетом обороны под председательством Черчилля. Комитет согласился с предложением Бивербрука показать Гарриману, но не показывать их нам. Бивербруку предложено использовать эти инструкции в качестве базиса при переговорах с нами»¹⁷¹.

Третья беседа советского вождя с представителями президента США и премьер-министра Великобритании, начавшаяся в 18.00 30 сентября, оказалась самой плодотворной. Сталин в этот раз был намного приветливее с собеседниками. Спросил, как идет работа в подкомиссиях, лорд Бивербрук

¹⁶⁸ Там же. Л. 231.

¹⁶⁹ Там же. Л. 234.

¹⁷⁰ Там же. Л. 236–237.

¹⁷¹ Там же. Л. 238.

ответил «Отлично, отлично!». Гарриман зачитал ответы американской и английской делегаций на семьдесят пунктов заявок советского руководства на поставки вооружения и материалов, передав этот список Литвинову, который, как и ранее, был переводчиком. Сталин не скрывал своего удовлетворения, задавая уточняющие вопросы. Вместе с этим списком Гарриман представил перечень товаров, которые США желали бы получить из СССР.

После того, как вопрос о поставках был рассмотрен, начался обмен мнениями о послах. Нам кажется, сказал Сталин, что Штейнгардт «очень подвержен влиянию здешних иностранных дипломатических миссий. В самом начале войны он нас пугал тем, что немцы будто бы замышляют послать парашютный десант для похищения меня и т. Молотова. Он тогда уже предлагал нам эвакуировать правительство из Москвы, а также посольство. Часть своего посольства он давно уже держит в Казани»¹⁷². «Я этого не знал, — ответил Гарриман. — Мне казалось, что Штейнгардт полон желаний помочь»¹⁷³.

«А нашим послом Уманским Вы довольны?» — спросил Сталин. «Он слишком много говорит, — отреагировал Гарриман. — Он по одному и тому же делу обращается ко множеству лиц, и в результате никто не знает, кто ответствен за исполнение. Было бы лучше, если бы он говорил с одним лицом, ответственным в каждом отдельном случае»¹⁷⁴.

Далее зашла речь о внешней политике Турции и Финляндии. «Было бы хорошо, дабы Турция не ушла к Германии. Но она все-таки не ведет себя, как союзница Англии»¹⁷⁵, — заметил Сталин. «Мы хотели бы воскресить союз», — ответил Бивербрук. О Финляндии советский руководитель высказался предельно резко, и для такой оценки у него были серьезные основания. «Финляндия, — заявил он, — ведет себя очень дерзко в отношении союзника

¹⁷² Запись беседы председателя Совета Народных Комиссаров СССР И.В. Сталина с главами делегаций Великобритании лордом У. Бивербруком и США А. Гарриманом на Московской конференции представителей трех держав. 30 сентября 1941 г. // Документы внешней политики. 22 июня 1941 — 1 января 1942 г. Т. 24. С. 337. Результатом этого обмена мнениями о послах стала их замена. К.А. Уманский был в ноябре 1941 г. заменен на М.М. Литвинова, а Л. Штейнгардта 12 ноября 1941 г. назначили послом США в Турции, его место в СССР занял старый друг Рузвельта адмирал Уильям Стэндли.

¹⁷³ Там же.

¹⁷⁴ Там же.

¹⁷⁵ Там же.

Англии – СССР. В начале войны она говорила, что стремится к установлению старых границ, а теперь она ведет себя как вассал Германии»¹⁷⁶.

Эти высказывания Сталина о Турции и Финляндии несли в себе весьма важный смысл, касавшийся характера формировавшихся союзнических взаимоотношений СССР с Великобританией и США. Советский вождь давал понять, что у держав, составивших военно-политический альянс, одна и та же страна не может восприниматься по-разному: враждебной или дружественной. Страна, ведущая враждебную политику по отношению к одному из союзников, автоматически должна и другими союзниками считаться враждебной страной. Сталин намекал представителям президента США и премьер-министра Великобритании, что военно-политический союз должен строиться путем принятия на себя участвующими в нем державами взаимных обязательств, причем на долгий срок.

Согласно официальной записи беседы Сталина с Гарриманом и лордом Бивербруком, сделанной советской стороной, Иосиф Виссарионович после реплики о враждебной политике Финляндии по отношению к СССР сказал: «Я думаю, что наше Соглашение с Англией о сотрудничестве против Германии и о незаключении сепаратного мира следовало бы превратить в союзный договор, который охватывал бы не только военный, но и послевоенный период, наше правительство целиком стоит за это»¹⁷⁷. И лорд Бивербрук на это заявление якобы ответил: «Я лично поддержал бы такое предложение и хотел бы, чтобы вопрос был поднят. У нас имеется Военный кабинет и Комитет обороны, к компетенции которого поднят вопрос и относится. Членами Комитета обороны являются Черчилль, Эттли, Иден и Бивербрук. Они принимают определенные решения, не запрашивая остальных членов правительства»¹⁷⁸.

В этой записи не был приведен ответ американского представителя, а между тем он также высказал свое мнение о предложении Сталина заключить союзный договор, распространяющийся не только на военный, но и на послевоенный период,

В своих воспоминаниях о состоявшейся 30 сентября 1941 года беседе с главой советского правительства Гарриман привел и ответ лорда Бивербрука, сообщив, что представитель Черчилля на предложение Сталина продлить военный союз с Великобританией, заключив договор также на послевоенный

¹⁷⁶ Там же. С. 338.

¹⁷⁷ Там же.

¹⁷⁸ Там же.

период, ответил, что существующего союза «достаточно, чтобы победить в войне»¹⁷⁹. То есть, по свидетельству Гарримана, представитель Черчилля в действительности совсем **не поддержал** предложение Сталина.

Не встретило оно поддержки и у представителя Рузвельта. Гарриман также высказался против заключения союзнического договора с СССР, пояснив, что в нем нет нужды, поскольку уже принята Атлантическая хартия, рассчитанная в том числе и на послевоенное время. «Атлантическая хартия представляет собой программу мира, к которой Соединенные Штаты и Великобритания уже присоединились»¹⁸⁰, — сказал он.

Этот факт заставляет по-новому взглянуть на происхождение так называемой «холодной войны» между Советским Союзом и Западом во главе с Соединенными Штатами Америки. Ее начало относится в исторической литературе к первым послевоенным годам¹⁸¹ и связывается обыкновенно со стремлением бывших союзников СССР ограничить резко возросшую в результате победы во Второй мировой войне мощь Советской державы и распространение коммунистических идей в западном мире. Отказ Франклина Рузвельта и Уинстона Черчилля принять неоднократно и настойчиво выдвигавшееся Сталиным предложение продлить действие возникшего в 1941 г. военно-политического союза трех держав и на послевоенный период свидетельствует, что руководители США и Великобритании, если не предполагали, то совсем не исключали впоследствии войну Запада с нашей страной и соответственно рассматривали данный союз как **вынужденный и временный, созданный для достижения только одной цели — победы над Германией**. Они не могли достичь ее без СССР, тогда как наша страна была вполне способна разгромить нацистский Германский рейх без помощи США и Великобритании. Правда, в этом случае ей пришлось бы принести на алтарь Победы значительно больше жертв и обречь себя на значительно более длительный и трудный процесс восстановления.

Еще одним весьма интересным моментом третьей беседы Сталина с Гарриманом и Бивербруком стала их реакция на предложение советского

¹⁷⁹ «When Stalin proposed extending his military alliance with Britain into a postwar treaty and inquired about Allied peace aims, Beaverbrook replied that it would be enough to win the war» (*Harriman W.A. and Abel E. Special Envoy to Churchill and Stalin, 1941-1946. P. 91*).

¹⁸⁰ Ibidem.

¹⁸¹ См. об этом: *Томсинов В.А. «Мир, который не будет миром»: Предыстория Холодной войны 1945–1991 гг. между СССР и США // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Вып. 10 (132).*

руководителя завершить конференцию «подписанием Соглашения о сотрудничестве трех держав»¹⁸². «Я думаю, что это было бы трудно для Америки», — ответил представитель премьер-министра Великобритании. «Лорд Бивербрук говорит на основании личного опыта. Не следует нажимать на президента соглашениями», — добавил представитель президента США. «Я не нажимаю, а лишь спрашиваю», — бросил реплику Сталин. «Вы должны понимать, куда президент ведет свою страну», — сказал Гарриман. «Но все-таки есть много неясного в позиции Америки, — заметил Сталин: — с одной стороны, она поддерживает воюющую Англию, а с другой стороны — поддерживает дипломатические отношения с Германией».

Здесь в разговор опять вступил Бивербрук, заговорив со Сталиным поучительным тоном: «Америка делает все, что может, для причинения вреда Германии. Страна очень дружелюбна в отношении Великобритании, но армия и флот не так готовы расставаться со своим собственным снабжением. Рузвельт, Гопкинс и Гарриман, однако, все протаскивают. Я хотел бы, чтобы Вы были таким же другом этих людей, как мы сами». Гарриман это поучение поддержал: «Для внесения ясности добавлю, что наш флот хочет войны с Германией и по всем определениям понятия войны он уже воюет, получив приказ стрелять по германским судам. Армия же наша слишком мала, но затруднения преодолеваются»¹⁸³.

Эти аргументы не убедили Сталина отказаться от идеи заключить официальный договор о сотрудничестве трех держав в войне с Германией, но он не стал настаивать ее осуществлении и предложил собеседникам обсудить ее на следующий день с Молотовым.

В конце встречи была достигнута договоренность завершить конференцию 1 октября и подготовить по тем ее результатам, которые можно было предать огласке, коммюнике для прессы.

В своем отчете об этой встрече Гарриман констатировал: «Не может быть никаких сомнений в том, что Сталин — единственный человек, с которым можно иметь дело в международных делах. Общение с другими... было почти

¹⁸² Запись беседы председателя Совета Народных Комиссаров СССР И.В. Сталина с главами делегаций Великобритании лордом У. Бивербруком и США А. Гарриманом на Московской конференции представителей трех держав. 30 сентября 1941 г. С. 338.

¹⁸³ Там же.

пустой тратой времени»¹⁸⁴. Впечатление же Бивербрука о Сталине после общения с ним во время работы Московской конференции в конце сентября-начале октября 1941 года хорошо передает черновая запись, которую английский лорд сделал, готовясь к выступлению по радио в апреле 1942 года: «Это твердый человек, убежденный в своих взглядах и с широким пониманием оружия войны. Он полностью уверен в своем могуществе. Но он не высокомерный человек. От этого он далек. Никогда не было человека, имевшего такое влияние, облеченного такой ответственностью, который демонстрировал бы столь малое самосознание своей власти. Он знает всё о снарядах, пушках, танках, самолетах и моторах. Он имеет твердые убеждения об использовании военной машины. Он убежден, что войну выиграет бензиновый мотор»¹⁸⁵.

Покинув Кремль, Гарриман и Бивербрук направились в Большой театр на специально организованное в их честь гала-представление «Лебединое озеро» с участием в качестве ведущих танцоров Г. Улановой и К. Сергеева. В театральном зале находился и А.Я. Вышинский.

Воспользовавшись паузой в спектакле, Гарриман пожаловался первому заместителю наркома иностранных дел СССР, в ведении которого находилась деятельность подкомиссий конференции, что переговоры с советской делегацией идут в них трудно, что, например, советские представители в комитете по транспорту отказались отвечать на вопросы и присутствовать на встречах со своими американскими и британскими коллегами. Вышинский в ответ заверил Гарримана, что причин для беспокойства нет, такое поведение советских представителей объясняется тем, что они не получили вовремя соответствующих инструкций.

На последнем заседании конференции выступили В.М. Молотов и У.А. Гарриман. Последний говорил не только от своего имени, но и от имени лорда Бивербрука.

Нарком иностранных дел СССР, поблагодарив в начале своей речи английскую и американскую делегации и назвав решающим для успеха конференции участие Сталина во всей ее работе, выразил «глубокую признательность» за инициативу созвать эту конференции президенту США

¹⁸⁴ «There can be no doubt that Stalin is the only man to deal with in foreign affairs. Dealing with others . . . was almost a waste of time» (Цит. по: *Harriman W.A. and Abel E. Special Envoy to Churchill and Stalin, 1941-1946*. P. 92).

¹⁸⁵ Цит. по: *Быстрова И.В.* Лорд Бивербрук и Московская конференция по снабжению осенью 1941 г. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2021. № 5. С. 71.

Рузвельту и премьер-министру Великобритании Черчиллю, представив их при этом как «выдающихся государственных деятелей нашего времени».

К этому времени было уже очевидно, что задуманный руководством фашистской Германии блицкриг против СССР не удался — германское нападение на нашу страну вылилось в жестокую войну на истощение сил. Именно поэтому Молотов в качестве главного итога конференции отметил объединение ресурсов трех держав для разгрома Германии. «В том, что настоящая конференция представителей Советского Союза, Англии и США, — сказал нарком иностранных дел СССР, — с таким единодушием и быстротой решила все поставленные перед ней задачи оказания практической поддержки СССР в войне с гитлеровской Германией, мы видим признание дружественными странами того факта, что сейчас Советский Союз несет на себе всю тяжесть борьбы с фашистскими ордами Германии. Мы видим в этом также залог того, что эта помощь будет осуществляться быстро и во все больших размерах, в соответствии с размахом навязанной нам войны. Сколько бы гитлеровские захватчики ни грабили свой народ и покоренные ими страны, сколько бы усилий они ни предпринимали для того, чтобы грабить Европу, начиная от насиуемой ими второй год Франции и кончая Болгарией, превратившейся волею болгарских правителей в подготовленный военный плацдарм для новых гитлеровских авантюр против СССР, — все это пойдет прахом. Все это не даст фашистским захватчикам столько ресурсов для продолжения войны, сколько три наших великих и могущественных державы направят для разгрома кровавого гитлеризма, для ликвидации власти этих подонков современного общества в Германии»¹⁸⁶.

Речь Гарримана была интересна тем, что помощь Великобритании и США Советскому Союзу он представил *не односторонней*, как она обыкновенно представляется в исторической литературе, а *взаимной*: СССР в свою очередь оказывал помощь Великобритании и США не только тем, что нес на себе основную тяжесть боевых действий, но и поставкой необходимых материалов для военной промышленности этих стран. «На Конференции решено, — говорил Гарриман, — предоставить в распоряжение Советского Правительства практически всё то, в отношении чего были сделаны запросы советскими

¹⁸⁶ Речь тов. В.М. Молотова на заключительном заседании конференции представителей СССР, Великобритании и США. 1 октября 1941 г. // Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны. Документы и материалы. 22 июня 1941 г. — 31 декабря 1943 г. Том 1. М., 1944. С. 152.

военными и гражданскими органами. Советское Правительство снабжает Великобританию и Соединённые Штаты большим количеством сырьевых материалов, в которых эти страны испытывают неотложную нужду... Лорд Бивербрук и я от имени наших правительств подтверждаем получение от Советского правительства крупных поставок русских сырьевых материалов, которые значительно помогут производству вооружения в наших странах»¹⁸⁷ (выделено мной. – В.Т.).

Свою речь представитель президента США завершил заявлением о решимости трёх держав «установить, после окончательного уничтожения нацистской тирании, мир, который даст всем странам возможность жить в безопасности на своей территории, не зная ни страха, ни нужды»¹⁸⁸.

В Коммюнике, принятом по итогам совещания представителей СССР, Великобритании и США, выпущенном 2 октября 1941 года, ничего не говорилось о том, как будет выстроен международный порядок после войны, а было лишь констатировано, что «конференция, в работах которой принял активное участие И.В. Сталин, успешно провела свою работу, вынесла важные решения в соответствии с поставленными перед нею целями и продемонстрировала полное единодушие и наличие тесного сотрудничества трех великих держав в их общих усилиях по достижению победы над заклятым врагом всех свободлюбивых народов»¹⁸⁹.

Подписанный 1 октября 1941 года главами делегаций секретный протокол¹⁹⁰ предусматривал поставку в Советский Союз в период начиная с октября 1941 года до конца июня 1942 года довольно большой перечень вооружений и материалов (в основном, металлов). Однако прав на получение всего этого из США по ленд-лизу, т.е. без предварительной оплаты, наша страна в то время не имела. Поэтому Советскому Союзу пришлось свои первые заказы оплачивать заранее.

¹⁸⁷ Речь Гарримана на заключительном заседании конференции представителей СССР, Великобритании и США на заключительном заседании конференции представителей СССР, Великобритании и США. 1 октября 1941 г. // Там же. С. 154, 155).

¹⁸⁸ Речь г-на Гарримана на заключительном заседании Конференции представителей СССР, Великобритании и США. 1 октября 1941 г. // Там же. С. 155.

¹⁸⁹ Коммюнике об окончании работ конференции представителей СССР, Великобритании и США. 2 октября 1941 г. // Там же. С. 156.

¹⁹⁰ См.: Секретный протокол Московской конференции представителей СССР, США и Великобритании. 1 октября 1941 г. // Документы внешней политики. 22 июня 1941 – 1 января 1942 г. Т. 24. С. 341–348.

9 октября 1941 года заместитель наркома иностранных дел А.Я. Вышинский направил временному поверенному в делах СССР в США А.А. Громько телеграмму, в которой предписал сообщить министру финансов Генри Моргентау о готовности советского правительства вывезти в США в ближайшее время 30 тонн золота для оплаты поставок. «Мы хотим точно знать, какое именно вооружение и какие нужные товары американское правительство готово в ближайшие дни отправить»¹⁹¹.

Так начали выполняться решения только что состоявшейся Московской конференции представителей трех держав.

* * *

10 октября на прием к Вышинскому пришел посол Штейнгардт. Он сообщил, что отложил свой отъезд в Соединенные Штаты «для того, чтобы выяснить, насколько серьезна существующая обстановка», «останется ли советское правительство в Москве, или предполагает покинуть столицу». Андрей Януарьевич ответил довольно резко, что посол не первый раз ставит подобные вопросы. Штейнгардт смутился и стал уверять, что «он и не помышляет об эвакуации из Москвы посольства»¹⁹².

Между тем решение об эвакуации в ближайшее время из Москвы правительства, и в том числе наркомата иностранных дел, а с ним и всех иностранных посольств, уже готовилось. В середине октября 1941 года в судьбе Москвы и всей нашей страны наступил роковой момент.

¹⁹¹ Телеграмма первого заместителя народного комиссара иностранных дел А.Я. Вышинского временному поверенному в делах СССР в США А.А. Громько. 9 октября 1941 г. // Там же. С. 354.

¹⁹² Запись беседы первого заместителя народного комиссара иностранных дел СССР А.Я. Вышинского с послом США в СССР Л. Штейнгардтом. 10 октября 1941 г. // там же. С. 355.